

От автора всемирных бестселлеров
«Большая маленькая ложь» и «Тайна моего мужа»

Яблоки не падают НИКОГДА

Очень, очень круто!

*Джоджо Мойес,
автор супербестселлера
«До встречи с тобой»*

И смешно, и страшно
одновременно.

Стивен Кинг

Луана Мориарти

Лиана Мориарти

Яблоки не падают никогда

«Азбука-Аттикус»

2021

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

Мориарти Л.

Яблоки не падают никогда / Л. Мориарти — «Азбука-Аттикус»,
2021

ISBN 978-5-389-20983-1

У Стэна и Джой Делэйни, некогда известных теннисистов, четверо взрослых детей, которые, несмотря на внешнюю успешность, страдают от психологических травм родом из детства, вызванных соперничеством на теннисном корте и борьбой за внимание родителей. Ревность к родителям еще больше усиливается после того, как внезапно появившаяся в доме незнакомая молодая женщина по имени Саванна становится для Джой идеальной дочерью, о которой та всегда мечтала... Когда же Джой и Саванна неожиданно исчезают, подозрение падает на неуправляемого и властного отца семейства. В этой экстремальной ситуации дети супругов Делэйни делятся на два лагеря: двое думают, что их отец невиновен, а двое других в этом сомневаются. И в результате обе стороны оказываются противниками, возможно, в самом серьезном соревновании за всю историю семьи, а общая семейная история предстает в совершенно новом свете... Впервые на русском языке!

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-389-20983-1

© Мориарти Л., 2021
© Азбука-Аттикус, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	30
Глава 8	31
Глава 9	42
Глава 10	43
Глава 11	46
Глава 12	57
Глава 13	62
Глава 14	69
Глава 15	70
Глава 16	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Лиана Мориарти

Яблоки не падают никогда

© Е. Л. Бутенко, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2022

Издательство Иностранка®

* * *

Моей матери с любовью

Пролог

На обочине дороги под серым дубом лежал велосипед, руль вывернут под странным углом, будто хозяин со злости швырнул своего железного коня что было силы.

Раннее утро субботы, пятый день сильнейшей жары. Больше сорока пожаров в буше полыхали по всему штату в разных местах. В шести районных центрах было объявлено предупреждение: «Немедленная эвакуация», но здесь, в пригороде Сиднея, опасности подвергались только астматики, которым рекомендовали не выходить из дому. Город накрыла зловещая желто-серая дымка, густая, как лондонский туман.

На пустынных улицах тихо, слышен лишь громкий стрекот цикад, доносящийся словно из-под земли. После беспокойных жарких ночей, проведенных в тревожной полудреме, большинство людей спали; одни лишь ранние пташки, позевывая, листали большими пальцами странички на экранах своих телефонов.

Брошенный велосипед был новехонький, в рекламе про такие пишут «винтажный дамский»: мятно-зеленый, семь скоростей, светло-коричневое кожаное сиденье и белая плетеная корзина. При виде подобного велика сразу воображаешь, что катишь на нем прохладным утром по европейской горной деревушке, на голове – берет вместо защитного шлема, а под мышкой – ароматный свежий багет с хрустящей корочкой.

На выжженной солнцем траве лежали четыре зеленых яблока, которые, видимо, выкатились из опрокинувшейся велосипедной корзинки.

Семейство черных мясных мух заняло места на серебристых спицах велосипеда, насекомые сидели абсолютно неподвижно, словно мертвые.

Машина, «Холден V8 Коммодор», подрагивающая в ритме рока восьмидесятых, подъехала со стороны перекрестка на неуместно большой по меркам этой тихой семейной округи скорости.

Моргнули стоп-огни, и автомобиль задним ходом, скрипя шинами, подкатил к велосипеду и остановился. Музыка стихла. Вылез водитель с сигаретой в зубах. Худой, босой и с голой грудью, из одежды на нем – одни синие футбольные трусы. Оставив дверь открытой, он с отработанной балетной грацией на цыпочках дошел по уже горячему асфальту до травы, где присел на корточки, чтобы осмотреть велосипед. Погладил проколотую шину на переднем колесе, будто лапу раненого зверя. Мухи зажужжали, вдруг ожив и забеспокоившись.

Мужчина бросил взгляд в обе стороны вдоль пустой улицы; прищурившись, затянулся сигаретой, пожал плечами, после чего одной рукой подхватил велик и встал. Он подошел к машине и, ловко отцепив переднее колесо велосипеда с помощью специального рычажка, чтобы поместился, положил велосипед в багажник, как покупку.

Потом сел обратно в машину, захлопнул дверь и уехал, довольный собой, отстукивая на руле ритм песни «Highway to Hell» группы AC/DC. Вчера был День святого Валентина, и он, очевидно не веря в это капиталистическое дерьмо, собирался подарить находку своей жене со словами: «С прошедшим Днем святого Валентина, малышка», – и подмигнуть иронично, и это помогло бы исправить случившееся накануне, и были шансы, что сегодня вечером ему повезет.

Ему не повезло. Тотально. Через двадцать минут он был мертв, умер мгновенно после лобового столкновения. Водитель трейлера, съезжавшего с шоссе, не заметил знака «Стоп», скрытого разросшимся амбровым деревом. Местные жители уже много месяцев жаловались на этот знак. Тут непременно случится авария, говорили они, так и вышло.

На жаре яблоки сгнили быстро.

Глава 1

Двое мужчин и две женщины сидели в дальнем углу кафе под фотографией в рамке – подсолнухи на рассвете в Тоскане. Рослые, как баскетболисты, они опирались локтями на круглую мозаичную столешницу и наклонялись друг к другу, так что почти тыкались лбами. Говорили они тихими, напряженными голосами, будто речь шла о международном шпионаже, что совершенно не соответствовало атмосфере приятного летнего субботнего утра и обстановке этого маленького загородного кафе, где воздух напоен ароматом свежеспеченного грушево-бананового хлеба, а из стереосистемы лениво выплывают звуки мягкого рока под аккомпанемент промышленного шипения и скрежета помола, издаваемых кофемашиной.

– По-моему, они братья и сестры, – сказала официантка боссу; сама она была единственным ребенком в семье, а потому чужие братья и сестры вызывали в ней жгучий интерес и компания за столиком ее заинтриговала. – Они и правда все очень похожи.

– Все болтают и болтают, видно, заказа от них не дождешься, – проворчал босс, который был одним из восьми детей и не находил ничего интересного в братьях и сестрах.

После страшнейшего ливня с градом на прошлой неделе и всю эту шли благословенные дожди. Пожары локализовали, дым рассеялся, одновременно просветлели и лица людей, в кафе снова появились посетители с наличными, так что им нужно было быстро приспособиваться к новой ситуации.

– Они говорят, что не успели посмотреть меню.

– Спроси их еще раз.

Официантка снова приблизилась к столику, заметив, что вся компания сидит в одной и той же позе – обхватив ногами передние ножки стульев, словно для того, чтобы не съехать с сидений.

– Извините?

Они ее не услышали. Все говорили одновременно, голоса перемешивались. Эти люди явно родственники. Даже их голоса звучали похоже: низкие, глубокие, хрипловатые, будто у всех большое горло и нездоровые тайны.

– Фактически она не пропала. Она прислала нам сообщение.

– Отец говорил, что исчез ее новый велосипед.

– Что? Это странно.

– Значит... она просто уехала по улице прямо в закат?

– Но она не взяла шлем. По-моему, это очень странно.

– Думаю, пора заявить о ее исчезновении.

– Прошло больше недели. Это слишком долго.

– Как я говорил, фактически она не...

– Она по всем признакам пропавшая, так как мы не знаем, где она.

Официантка повысила голос до такой степени, что он оказался в опасной близости к грубому:

– Вы готовы сделать заказ?

Они ее не услышали.

– Кто-нибудь уже заходил домой?

– Папа сказал, пожалуйста, не приходи. Говорит, он очень занят.

– Очень занят? Чем же это?

Официантка прошаркала мимо них между стульями и стеной, чтобы кто-нибудь ее заметил.

– Знаете, что может случиться, если мы заявим о ее исчезновении? – проговорил тот из двоих мужчин, что выглядел получше. На нем была льняная рубашка с закатанными до локтя

длинными рукавами, шорты и ботинки без носков. Ему едва перевалило за тридцать, предположила официантка, борода клинышком и этакий низкопробный харизматический шарм звезды из реалити-шоу или агента по недвижимости. – Подозрение падет на отца.

– Подозрение в чем? – поинтересовался другой мужчина, потрепанная, урезанная ввысь и растянутая вширь, более дешевая версия первого. Бородки у него не было, он просто нуждался в бритве.

– Что он... понимаешь... – Хорошо одетый брат провел пальцем по шее.

Официантка притихла. Это был самый увлекательный разговор из всех, что она слышала за время работы в кафе.

– Боже, Трой! – воскликнул плохо одетый брат. – Это не смешно.

Первый пожал плечами:

– Полиция спросит, не ссорились ли они. Отец ответит, что ссорились.

– Но ведь...

– Может быть, папа и правда имеет к этому какое-то отношение, – сказала самая младшая из четверых женщина в коротком оранжевом платье в белую ромашку, надетом поверх завязанного на шее купальника, и в шлепанцах. Волосы у нее были выкрашены в голубой (официантка мечтала именно о таком оттенке) и закручены в мокрый липкий неряшливый узел на затылке над самой шеей. Руки у нее блестели, намазанные кремом от загара, будто она только что с пляжа, хотя отсюда до побережья было не меньше сорока минут езды. – Может, он сорвался. Может, он наконец сорвался.

– Прекратите, вы оба! – потребовала вторая женщина, в которой официантка опознала постоянную посетительницу: самый большой, самый горячий кофе с соевым молоком.

Ее звали Бруки. Бруки – с «и» на конце. Они писали имена клиентов на крышечках стаканов, и однажды эта женщина заметила застенчивым, но твердым тоном, как будто не могла удержаться, что на конце ее имени нужно ставить «и». Она была вежливой, но неразговорчивой и обычно немного на взводе, как будто уже знала, что день у нее не задался. Она расплачивалась пятидолларовыми банкнотами и всегда оставляла монету в пятьдесят центов в кружке для чаевых. Каждый день на ней были темно-синяя рубашка поло, шорты и кроссовки с носками. Сегодня она оделась как для выходного дня – в юбку и топ, но все равно была похожа на военную служащую в увольнении или на учительницу физкультуры, которая не купится на твои отговорки, мол, у меня живот скрутило.

– Отец никогда не поднял бы руку на маму, – сказала она своей сестре. – Никогда!

– О боже мой, конечно нет! Я пошутила! – Девушка с голубыми волосами всплеснула руками.

Официантка заметила морщины у нее вокруг глаз и у рта и поняла, что эта женщина вовсе не юная, просто одевается по-молодежному. Дама средних лет в маскировочном костюме. Издалека ей можно дать лет двадцать, а вблизи – все сорок. Вот так фокус.

– У мамы и папы был по-настоящему крепкий брак, – сказала Бруки с «и».

Что-то в ее голосе – какая-то обиженно-почтительная интонация натолкнула официантку на мысль: несмотря на строгость в одежде, она, вероятно, самая младшая из всех.

Хорошо одетый брат вопросительно взглянул на нее:

– Мы росли в одном доме?

– Я не знаю. А мы росли? Потому что я никогда не видела никаких признаков насилия... то есть... Господи!

– Ну я тоже этого не предполагаю. Я только говорю, что другие люди могут предположить. Женщина с голубыми волосами подняла глаза и заметила официантку.

– О, простите! Мы все еще не определились! – Она взяла в руки заламинированное меню.

– Ничего, – ответила официантка, ей хотелось услышать побольше.

– Хотя мы все немного рассеяны. Наша мать пропала.

– Да что вы! Это... так тревожит вас? – Официантка не могла толком сообразить, как ей реагировать.

Они не выглядели очень уж сильно встревоженными. Все эти люди с виду гораздо старше ее, значит их мать совсем пожилая дама? Старушка? Как могла пропасть старушка? Деменция?

Бруки с «и» поморщилась и сказала сестре:

– Не болтай об этом.

– Извините. Наша мать, вероятно, пропала, – исправилась голубовласка. – Мы временно потеряли свою мать.

– Вам нужно произвести обратный отсчет, – с улыбкой предложила официантка. – Где вы видели ее в последний раз?

Последовала неловкая пауза. Все четверо взглянули на нее одинаковыми влажными карими глазами, очень серьезно. У всех были такие густые ресницы, что казалось, будто они подкрашены.

– А знаете, вы правы. Именно это нам и нужно сделать. – Женщина с голубыми волосами медленно кивнула, как будто всерьез обдумывала это легкомысленное замечание. – Произвести обратный отсчет.

– Мы все будем яблочный крамбл со сливками, – перебил ее хорошо одетый брат. – А потом поделимся с вами впечатлениями.

– Отлично. – Плохо одетый брат постучал краем своего меню по торцу столешницы.

– На завтрак? – поинтересовалась Бруки, но при этом криво усмехнулась, как будто с яблочным крамблом была связана какая-то только им понятная шутка, после чего все с облегчением, мол, «ну вот, с этим определились», отдали официантке меню, радуясь, что наконец от нее отделались.

Официантка нацарапала в блокнотике: «4 × яб. крам.» – и сбила меню рукой в аккуратную стопку.

– Слушайте, а кто-нибудь звонил ей? – спросил плохо одетый брат.

– Кофе? – спросила официантка.

– Мы все будем большой черный, – ответил хорошо одетый брат.

Официантка встретилась глазами с Бруки с «и», чтобы дать той возможность сказать: «Нет, вообще-то, я такой кофе не пью, я всегда беру самый большой и самый горячий с соевым молоком», – но та была занята – давала отповедь брату:

– Разумеется, мы звонили ей. Миллион раз. Я посылала ей эсэмэски. Письма по электронке. А вы нет?

– Значит, четыре больших черных.

– Не маме. *Ей*. – Плохо одетый брат поставил локти на стол и надавил пальцами на виски. – Саванна. Кто-нибудь пытался связаться с ней?

У официантки не осталось предлогов, чтобы нависать над ними и подслушивать.

Саванна – еще одна сестра? Почему ее нет здесь сегодня? Или она – семейный изгой? Дочь-мотовка? Поэтому ее имя приземлилось между ними столь зловеще? Так звонил ей кто-нибудь?

Официантка подошла к стойке, ударила по звонку ладонью и припечатала к столешнице листочек с заказом.

Глава 2

Прошлый сентябрь

Был ветреный вечер вторника, около одиннадцати часов. Трепетали и вихрились вместе с ветками бледно-розовые цветы сливы. Такси медленно ехало мимо домов эпохи реновации, перед каждым на подъездной дорожке – хороший седан среднего класса, а у обочины – аккуратное трио разноцветных мусорных баков на колесиках. Кольцехвостый поссум, захваченный светом фар, просеменил по изгороди из песчаника, тьякнула разок и умолкла какая-то маленькая собачка. В воздухе пахло древесным дымом, скошенной травой и томящимся на огне ягненком. Свет в большинстве домов не горел, за исключением бдительно мигавших огоньков камер безопасности.

Джой Делэйни, из дома номер девять, задала работу посудомоечной машине, слушая в новомодных беспроводных наушниках, подаренных ей сыном на день рождения, последний подкаст, выложенный в сеть Парнем-с-Мигренью.

Джой – миниатюрная, ухоженная, энергичная женщина с блестящими, совершенно белыми волосами длиной до плеч. Она никак не может вспомнить, сколько ей – шестьдесят восемь или шестьдесят девять, иногда даже допускает, что, может быть, шестьдесят семь. (Ей шестьдесят девять.) В данный момент на ней джинсы, черный кардиган поверх полосатой футболки и шерстяные носки. Предполагается, что она выглядит «круто для своего возраста». Молодняк в магазинах часто говорит ей так. Но Джой всегда хочется ответить им: «Вы понятия не имеете, сколько мне лет, милые идиоты, так откуда вам знать, круто ли я выгляжу для своего возраста?»

Ее муж, Стэн Делэйни, сидит в кресле-качалке в гостиной с пакетом льда на каждом колене и смотрит документальный фильм о самых больших мостах, приканчивая упаковку сладких крекеров с перцем чили, которые макает в баночку со сливочным кремом.

Их старая стаффордширская терьериха Штеффи, названная в честь Штеффи Граф, так как щенком она очень быстро бегала, устроилась на полу рядом с Джой и тайком жевала кусок газеты. За последний год Штеффи стала одержима поисками и уничтожением любой попадавшей в дом периодики; очевидно, это какое-то особое психологическое состояние у собак, вероятно вызванное стрессом, правда, никто не знал, что могло бы вызвать такой стресс у Штеффи.

По крайней мере, привычка старой псины жевать бумагу была более приемлемой, чем повадки Отиса, кота их соседки Каро, который начал таскать одежду из домов и уносить ее в глухой проулок, включая – о ужас! – нижнее белье, которое Каро стыдилась возвращать всем, за исключением Джой, разумеется.

Джой знала, что гигантские наушники делают ее похожей на инопланетянку, но ей было плевать. Долгие годы она молила своих детей вести себя потише и теперь не выносила тишины. Тишина завывала в ее так называемом опустевшем гнезде. Гнездо пустовало уже много лет, так что Джой могла бы привыкнуть, но в прошлом году они продали свой бизнес, и возникло ощущение, что на этом закончилось все, содрогнулось в последний раз и замерло навеки. В поисках шума Джой пристрастилась к подкастам. Часто она даже спать ложилась в наушниках, чтобы ее усыпила колыбельная неумолчного повелительного голоса.

Сама она мигренями не страдала, а вот ее младшая дочь была им подвержена, и Джой слушала Парня-с-Мигренью, собирая полезные советы, которые могла бы передать Бруки, а также в качестве своего рода покаяния. В последние годы она начала испытывать доводящее до тошноты сожаление о том, с каким нетерпеливым безразличием сперва отмахнулась от детских головных болей Бруки, как они это тогда называли.

«Сожаление могло бы стать основным мотивом моих мемуаров», – подумала Джой, пытаясь запихнуть терку для сыра в посудомойку рядом со сковородой. «Жизнь, полная сожалений» Джой Делэйни.

Вчера она посетила первое занятие курса «Итак, вы хотите написать мемуары» в местном вечернем колледже. Джой этого не хотела, она просто составляла Каро компанию. Каро овдовела, была очень робкой и не хотела ходить одна. Джой поможет ей завести знакомства (она уже присмотрела кое-кого подходящего), а потом бросит занятия. Преподаватель объяснил им, что мемуары начинают писать с выбора темы, а дальше дело только за тем, чтобы подобрать истории, которые поддержат эту тему.

– Может быть, вы возьметесь за такую: «Я рос не на той стороне дороги, но взгляните на меня теперь», – сказал он, и все дамы в сшитых на заказ брюках и серьгах с жемчугом важно закивали и записали в своих новехоньких тетрадях: «Не та сторона дороги».

– Ну, по крайней мере, тема твоих мемуаров очевидна, – сказала Каро Джой по дороге к дому.

– Правда? – удивилась Джой.

– Это теннис. Твоя тема – теннис.

– Это не тема, – возразила Джой. – Темой может быть «мечь», или «успех вопреки всему», или...

– Ты можешь назвать их «Гейм, сет и матч. История семьи теннисистов».

– Но... мы ведь не звезды тенниса. Мы просто организовали теннисную школу и местный клуб тенниса. Мы не семья Уильямс. – Почему-то комментарии Каро раздражали Джой, даже огорчали.

Каро крайне изумилась:

– О чем ты говоришь?! Теннис – страсть вашей семьи. Следуй своей страсти! А я про себя думаю: «Вот если бы у меня была страсть, как у Джой».

Джой сменила тему.

Сейчас она подняла взгляд от нутра посудомоечной машины и вспомнила Троя, когда тот был мальчиком, как он стоял на этой самой кухне, держа в руке ракетку как оружие, с порозовевшим от злости лицом, глазами, полными обвинений и слез, которым он не давал пролиться, и кричал:

– Я ненавижу теннис!

– Ох, какое самопожертвование! – воскликнула Эми, ее роль как старшей из детей в семье состояла в том, чтобы комментировать каждую семейную ссору и использовать напыщенные слова, которых остальные дети не понимали, тогда как Бруки, все еще маленькая и обожаемая, бросилась в неизбежные слезы, а лицо Логана стало тупым до идиотизма.

– Ты не ненавидишь теннис, – произнесла Джой.

Это был приказ. Она имела в виду: ты не можешь ненавидеть теннис, Трой. Она говорила: «У меня нет ни времени, ни сил, чтобы позволить тебе ненавидеть теннис».

Джой встряхнула головой, желая прогнать воспоминание, и попыталась вернуть внимание к подкасту.

– «...Зигзагообразные линии, которые проплывают по вашему полю зрения, мерцающие точки или звездочки... Люди, у которых наблюдаются симптомы ауры мигрени, говорят, что...»

Трой на самом деле не ненавидел теннис. Некоторые из лучших семейных воспоминаний были связаны у них с кортом. Большинство. Самых счастливых воспоминаний. Но и некоторые из худших тоже, ну да ладно. Трой и сейчас играет. Если бы он действительно ненавидел теннис, то не брал бы в руки ракетку, ведь ему уже за тридцать.

Был ли теннис темой ее жизни?

Может, Каро права. Они со Стэном могли бы вообще не встретиться, если бы не теннис.

Больше полувека назад. Вечеринка по случаю дня рождения в маленьком, набитом людьми доме. Головы раскачивались в такт с песней «Porsche» группы *Hot Butter*. Восемнадцатилетняя Джой обхватила пальцами толстую зеленую ножку винного бокала, наполненного до краев теплым мозельским.

– Где Джой? Тебе нужно познакомиться с Джой. Она только что выиграла большой турнир.

Эти слова разомкнули тесный полукруг людей, обступивших парня, который стоял, приклонившись спиной к стене. Он был гигант, чудовищно высокий и широкоплечий, с густыми длинными кудрявыми волосами, завязанными сзади в хвост, в одной руке – сигарета, в другой – банка пива. В семидесятые парни-спортсмены могли дымить как паровозы. У него были ямочки на щеках, но появились они, только когда он увидел Джой.

– Нам нужно как-нибудь постучать ракетками, – сказал гигант.

Она никогда еще не слышала такого низкого тягучего голоса, по крайней мере у парня своего возраста. Люди даже посмеивались и пытались передразнивать его. Шутили, мол, у Стэна голос как у Джонни Кэша. Он не подражал ему. Просто у него была такая манера речи. Говорил он мало, зато, что бы ни сказал, все звучало значительно.

Они были не единственными теннисистами на той вечеринке, но единственными чемпионами. Их свела судьба, неотвратимая, как в волшебной сказке. Если бы они не встретились в тот вечер, это все равно когда-нибудь случилось бы. Теннисный мир тесен.

На выходных они сыграли свой первый матч. Джой уступила 6–4, 6–4, после чего сразу отдала ему и свою девственность, несмотря на то что мать предупреждала ее о важности воздерживаться от секса, если ей когда-нибудь понравится мальчик: «Зачем покупать корову, когда молоко можно получить бесплатно?» Услышав эту фразу, ее дочери взвизгнули.

Джой сказала Стэну, что легла с ним в постель только из-за его подачи. Это была великолепная подача. Джой до сих пор восхищалась ею, ожидая той доли секунды, когда время замирает и Стэн превращается в скульптуру теннисиста, занесшего ракетку над головой, а потом... *жжж!*

Стэн ответил, что лег с ней в постель только из-за ее обманного удара с лёта, а потом добавил своим низким тягучим голосом прямо в ухо: «Нет, это неправда, тебе еще нужно поработать над ударом с лёта, ты слишком набегаешь на сетку. Я лег с тобой в постель, потому что, как только увидел твои ножки, захотел, чтобы они обвилились вокруг моей спины», – и Джой впала в экстаз, это прозвучало на ее вкус так дико и поэтично, хотя критику своего удара с лёта она не оценила.

– «...это ведет к высвобождению нейротрансмиттеров...»

Джой взглянула на терку с приставшими к зубцам кусочками моркови – посудомойка с этим не справится. Сполоснула ее в раковине.

– Почему я выполняю за тебя твою работу? – упрекнула Джой машину и вспомнила себя в те годы, когда таких механизмов еще не было и она стояла у мойки, опустив руки в резиновых перчатках в горячую мыльную воду, а сбоку – небоскреб из грязных тарелок.

В последнее время ее прошлое все чаще натякалось на настоящее. Вчера она очнулась от дремоты в панике, с мыслью, что забыла забрать из школы одного из детей. Ей потребовалась добрая минута, чтобы вспомнить: все ее дети уже взрослые – взрослые с морщинами и ипотекой, степенями и планами путешествий.

Джой задумалась: не признаки ли это старческого слабоумия? Ее подруга Линда, работавшая в доме престарелых, говорила, что каждый день в то время, когда детей забирают из школы, по их заведению прокатывается волна беспокойства: пожилые дамы начинают волноваться, убежденные, что им нужно успеть за давно уже выросшими детьми. От этого рассказа Джой прослезилась, и теперь почти то же самое происходило с ней.

– Вероятно, мой высокий интеллект маскирует симптомы деменции, – сказала Джой Стэну.

– Не могу утверждать, что я это заметил, – отозвался тот.

– Симптомы моей деменции? Или мой высокий интеллект?

– Ну сам-то я всегда отличался слабым умом, – буркнул он и ушел, вероятно, забраться на лестницу, потому как сыновья предупредили его, что в семьдесят лет уже не стоит лазать по лесенкам, после чего Стэн старательно находил предлоги, чтобы делать это как можно чаще.

Накануне вечером Джой слушала очень информативный подкаст под названием «Жизнь с деменцией».

Терка для сыра отказывалась помещаться рядом со сковородой в посудомоечную машину. Джой внимательно рассмотрела оба предмета. Казалось, эту задачку она в состоянии решить.

– «...запускают изменения в размере кровяных сосудов...» – сказал Парень-с-Мигренью. *Что? Придется перемотать назад этот подкаст и начать с начала.*

Она слышала, что уход на пенсию приводит к быстрому угасанию функций мозга. Может, именно это с ней и происходит? Атрофия лобной доли.

Они думали, что готовы отойти от дел. Продажа теннисной школы казалась очевидным и неизбежным следующим шагом в их жизни. Не могли же они тренировать вечно, и ни один из их детей не пожелал взять семейное дело в свои руки. К сожалению, все они до обидного не интересовались этим. Стэн годами лелеял дикую мечту, что Логан купит долю в фирме Делэйни: это старомодная идея, что старший сын станет гордым продолжателем его дела. «Логан был отличным тренером, – бормотал он. – В нем есть это. Правда есть».

Бедняга Логан пришел в неопишуемый ужас, когда Стэн робко предположил, что его, вероятно, заинтересует покупка бизнеса. «Он не слишком увлечен этим, да?» – заметил Стэн в разговоре с Джой, и та рывкнула на него, так как не выносила, когда кто-то критиковал ее детей, особенно если критика была обоснованной.

Поэтому они продали свою школу. Хорошим людям за приличные деньги. Джой не предполагала, что будет испытывать чувство утраты. Она не осознавала, насколько сильно определяла их самих и всю их жизнь Теннисная академия Делэйни. Кто они теперь? Еще одна пара кенгуру?

Хвала Господу за их теннис! Самый последний трофей стоял, тяжелый и гордый, на серванте, готовый показаться, когда все соберутся вместе в День отца. Колени Стэна сейчас расплачивались за него, но то была чистая победа над двумя технически совершенными игроками: Джой и Стэн держали сетку, атаковали по центру и не теряли самообладания. Оно у них еще имелось.

Вдобавок к турнирам они продолжали по пятницам играть на вечерних клубных соревнованиях, которые много лет назад организовала Джой, хотя в последнее время эти мини-турниры стали невеселыми, так как люди один за другим покидали сей мир. Шесть месяцев назад прямо на корте умер Деннис Кростос. Со своей женой Дебби он играл против Джой и Стэна, и это было ужасно. Джой считала, что сердце Денниса не выдержало возбуждения от мысли, что он вот-вот возьмет подачу Стэна. Втайне она винила мужа за то, что он позволил Денни загореться такой мыслью. Стэн намеренно довел гейм до счета 40-0 ради собственного удовольствия. Джой потребовалось собрать всю силу воли, чтобы не сказать ему: «Стэн, ты убил Денниса Кростоса».

Правда состояла в том, что они со Стэном не годились для жизни на пенсии. Шестинедельный отпуск мечты в Европе превратился в катастрофу. Даже Уимблдон. Особенно Уимблдон. Когда самолет приземлился в Сиднее, они оба испытали головокружительное чувство облегчения и не признались в нем никому – ни друзьям, ни детям, ни даже друг другу.

Иногда они пытались делать то же, что и другие их приятели-пенсионеры, например проводили «приятный день на пляже». В результате Джой сильно порезала ступню об устричную раковину, и они получили штраф за неправильную парковку. Это напомнило ей о тех случаях, когда они со Стэном загорались абсурдной идеей вывезти детей на пикник, и она старалась делать вид, будто они очень мило проводят время на природе, но что-нибудь неизбежно шло наперекос: кто-то обязательно был не в духе, или они сбивались с пути, или начинался дождь, как только они добирались до места, и дорога домой проходила в угрюмом молчании, прерываемом лишь регулярными всхлипами того ребенка, который считал, что его несправедливо за что-нибудь отругали.

– Вообще, мы на пенсии стали такими романтичными, – сказала ей одна чересчур трескучая подруга, отчего Джой едва не стошнило, однако на следующей неделе она в качестве забавного жеста купила в фуд-корте торгового центра два банановых молочных коктейля, так как они со Стэном брали такие на завтрак в молочных барах разных мелких городишек, когда в ранние годы брака разъезжали по региональным турнирам. На мотелях они экономили и спали в машине, а любовью занимались на заднем сиденье.

Однако было очевидно, что Стэн вообще не помнит никаких банановых молочных коктейлей, а по пути домой он, без необходимости драматизируя ситуацию, ударил по тормозам, когда кто-то выскочил перед ними на дорогу, и коктейль вылетел из рук Джой, так что теперь в их машине постоянно отвратительно пахло прокисшим молоком – тухлый запах неудачи. Стэн говорил, что ничего не чувствует.

Нужно быть другими людьми, чтобы уйти на пенсию с достоинством и пафосом, как сделали их друзья. Поменьше ворчать, особенно Стэну, иметь более широкие интересы и разнообразные хобби, помимо тенниса. Или хотя бы внуков.

Внуки.

Одно это слово наполняло Джой какими-то необъятным и очень сложным по составу эмоций чувством, зарезервированным для молодых: желание, злость и, самое худшее, ядовитая, горькая зависть.

Джой понимала, что одного маленького внука или внучки хватило бы, чтобы прекратить рев тишины, чтобы ее дни заклокотали и пузырясто потекли обратно к жизни, но нельзя же просить своих детей о внуках. Как унижительно! Как банально! Джой считала себя человеком более интересным и искушенным в жизни, чтобы опускаться до такого. Она была феминисткой. Спортсменкой. Успешным предпринимателем. Она отказывалась следовать общепринятым клише.

Это случится. Нужно только терпеливо ждать. У нее четверо детей. Четыре лотерейных билетика, хотя двое из четверых ее отпрысков были одиноки, так что, вероятно, в настоящий момент их нельзя рассматривать в качестве билетиков. Но двое других состояли в прочных, многолетних отношениях. Логан и его девушка Индира жили вместе уже пять лет. Они не были женаты, но какое это имеет значение. Индира восхитительна, и в последний раз, когда Джой ее видела, у нее точно был какой-то загадочный и таинственный вид, словно она хотела сообщить о чем-то, но сдерживалась: может, ждала двенадцати недель?

Бруки и Грант счастливы в браке, обзавелись благодаря кредитам приличным домом и семейным авто, к тому же Грант старше, значит скоро расклад может сойтись. Если бы только Бруки не взялась заниматься физиотерапевтической практикой. Это было достойно восхищения – Стэн заливался краской от гордости всякий раз, как кто-нибудь упоминал об этом, – но вести собственный бизнес непросто, а страдающие от мигреней должны контролировать уровень стресса. Бруки слишком упертая. Но конечно, скоро она захочет ребенка. Ей известны все новейшие медицинские советы, так что она не станет откладывать до последнего момента.

Втайне Джой надеялась, что дети придумают какой-нибудь необычный способ сообщить ей о беременности, как делают дети других людей на YouTube. Они могли бы, к примеру, кра-

сиво упаковать картинку с УЗИ, а потом заснять реакцию открывающей «подарок» матери: изумление, которое сменяется пониманием, рука зажимает рот, слезы и объятия. Они могли бы опубликовать это на своих страницах в соцсетях. *Джой узнаёт, что скоро станет бабушкой!* Видео может стать вирусным. Джой всегда старалась приодеться, когда дети приходили к ней – так, на всякий случай.

Своими фантазиями она не поделилась бы ни с кем. Даже с собакой.

Парень-с-Мигренью тоном искусителя вещал ей в уши:

– Давайте поговорим о магнезии.

– Отличная идея. Давай, – согласилась Джой.

Сковорода и терка никак не могли уместиться рядом. Решение не приходило. Терке придется пропустить помывку. Она и так чистая. Джой поднялась от посудомойки и обнаружила, что прямо перед ней стоит муж, будто успел мгновенно телепортироваться.

– О боже!.. Черт!.. Что за?!.. – вскрикнула она, спустила наушники на шею и приложила руку к заколотившемуся сердцу. – Не пугай меня так!

– Почему кто-то стучит в дверь?

Губы у Стэна были оранжевые от крекеров с перцем. На коленках джинсов – влажные круги от пакетов с тающим льдом. Один вид его вызывал раздражение, так он еще смотрел на Джой сверху вниз с таким укоризненным выражением, будто это она виновата, что в дверь стучат.

Штеффи уселась рядом со Стэном, наострив уши, глаза у псины сияли от сладчайшего предвкушения прогулки.

Джой глянула на часы, висевшие на стене в кухне. Поздновато для доставки или маркетингового исследования. Поздновато для внезапного визита кого-нибудь из друзей или родных, тем более что теперь никто больше не заходил к ним без звонка.

Она окинула мужа взглядом. Может, это у него деменция. Из проведенного ею исследования Джой сделала вывод, что супруг больного должен быть терпеливым и снисходительным.

– Я ничего не слышала, – сказала она терпеливо и снисходительно.

Она будет заботиться о нем как можно лучше, хотя, вероятно, рано или поздно внесет его в лист ожидания какого-нибудь дома престарелых.

– Я слышал стук, – настаивал Стэн, и его челюсть двигалась взад-вперед, что выражало раздражение.

Но тут Джой тоже услышала: бам, бам, бам.

Будто кто-то колотил кулаком во входную дверь. Звонок у них не работал уже много лет, и люди, устав звонить, часто нетерпеливо стучали, но от этого возникало ощущение, что произошло какое-то несчастье.

Они со Стэном посмотрели друг на друга и, не говоря ни слова, двинулись к входной двери – не побежали, но пошли довольно быстрым шагом по длинному коридору – скорее, скорее, скорее. Штеффи потрусилась за ними, высунув язык и часто дыша от восторга. Обутая в носки, Джой поскользнулась на гладком дощатом полу и чувствовала, что они трое – мужчина, женщина и собака – заражены общим, придающим сил ощущением внезапной тревоги. Они кому-то нужны. Вероятно, случилось какое-то несчастье. Они помогут, так как, хотя в доме не было детей, ментальная установка сохранялась: «Мы взрослые. Мы все исправим».

Может быть, эта спешная прогулка к двери доставила им даже некоторое удовольствие, потому что давно уже никто из детей не просил у них ни денег, ни совета, ни даже подвезти в аэропорт.

Бам, бам, бам!

– Иду, иду! – крикнул Стэн.

Обрывки воспоминаний промелькнули в голове у Джой: Трой вернулся домой из школы, ему лет восемь или девять, он колотит в дверь и орет: «ФБР! Откройте!» Он делал так не один

год и считал, что это забавно. А вот Эми отчаянно давит на звонок, когда он еще работал, поскольку опять потеряла ключи от дома или, как обычно, спешит в уборную.

Стэн добрался до цели первым. Щелкнул замком, ловко крутанув запястьем, и распахнул дверь.

Внутри ввалилась плачущая молодая женщина, будто она опиралась лбом на створку, и упала прямо в руки Стэну, как дочь.

Глава 3

– Здравствуйте, – ошарашенно произнес Стэн и неловко погладил незнакомку по плечу.

На какую-то долю секунды Джой показалось, что это одна из дочерей, но женщина едва доходила Стэну до груди. Дети Джой все были высокие: мальчики ростом шесть футов четыре дюйма, Эми и Бруки – шесть футов один дюйм. Все широкоплечие, темноволосые, с оливковой кожей, румяные щеки с ямочками, как у отца. «Все твои дети похожи на здоровенных испанских матадоров», – бывало, с укоризной говорила ей мать, словно Джой сняла их с полки.

Эта девушка была маленькая, с нечесаными грязновато-белыми волосами и бледной веснушчатой кожей, сквозь которую светились синие вены.

– Простите. – Девушка отлепилась от Стэна, прерывисто вздохнула, шмыгнула носом и попыталась изобразить губами подобие улыбки. – Простите меня. Как стыдно!

У нее был свежий порез прямо под правой бровью. По лицу текли блестящие струйки крови.

– Ничего, дорогая. – Джой крепко взялась за худенькое плечо девушки, чтобы поддержать, если та вдруг упадет в обморок.

Она будет говорить ей «дорогая», пока не вспомнит имя. Стэн тут не помощник. Джой почувствовала, что он ищет ее взгляд, взывая о помощи: «Кто это, черт возьми, такая?!»

У девушки в крыло носа была вдега сережка размером с зернышко, а бледное предплечье обвивала зеленая татуировка в виде виноградной лозы. На ней была заношенная рубашка с длинным рукавом, на которой виднелись застарелые жирные пятна, и рваные голубые джинсы. На шее висел серебряный ключ. Босые ноги посинели от холода. Девушка была как-то смутно, расплывчато знакома Джой.

Хорошо бы она назвала свое имя, но молодые люди всегда считают себя незабываемыми. Такое случается постоянно. Юная незнакомка подлетает к ним стрелой, радостно машет: «Мистер и миссис Делэйни! Как вы? Прошло столько времени!» Джой приходится влиять во время разговора, одновременно прокручивая хранящуюся в голове базу данных: девочка из теннисной школы? Выросшая дочь члена клуба? Подруга кого-то из детей?

– Что с вами случилось? – Стэн указал на глаз девушки; он выглядел испуганным и как-то сразу постарел. – Там кто-то есть? – Поверх плеча незнакомки он выглянул на улицу.

Джой и в голову не пришло бы, что там может кто-нибудь прятаться.

– Там никого нет, – ответила девушка. – Я приехала на такси.

– Хорошо, дорогая, мы сейчас все исправим, – сказала Джой.

Это очень странно, но скоро все прояснится. Стэн всегда хотел разобраться во всем немедленно.

Джой предположила, что этой девушке, наверное, около тридцати, как Бруки, но она не похожа ни на одну из подруг ее младшей дочери. Все они были занятые и вежливые молодые женщины, очень себе на уме. Эта девушка выглядела распустехой и, наверное, понравилась бы Эми, значит, скорее уж, она из приятельниц Эми, что усложняло задачу, так как Эми вращалась в самых разных, весьма эклектических кругах. Может, их гостья из любительской театральной труппы, от которой Эми была без ума по крайней мере неделю? Университетская подруга? С первого неоконченного факультета? Со второго?

– Как ты поранилась? – спросила Джой.

– Поругалась со своим парнем. – Девушка покачнулась и прижала к окровавленному глазу ладонь. – Я просто выскочила из квартиры на улицу и запрыгнула в такси...

– Это с вами сделал ваш парень? – уточнил Стэн. – То есть он ударил вас?

– Вроде того.

– Вроде того? В смысле? – не понял Стэн. Мужчины иногда бывают жесткими, как наждак. – Так он ударил вас или нет?

– Трудно сказать.

– Ничего тут нет трудного. Если он вас ударил, мы вызовем полицию, – заявил Стэн.

– Нет! – Девушка дернулась, чтобы вырваться из захвата Джой. – Ни за что! Я не хочу вмешивать в это полицию.

– Ну и ладно, мы не будем ее вызывать, дорогая, если ты не хочешь, – сказала Джой. – Это твой выбор. Но ты заходи, садись.

Если девушка не хотела вмешательства полиции, и пусть. Джой сама не обрадовалась бы появлению здесь полицейских.

Когда они проходили под светильником в коридоре, Джой заметила, что девушка, пожалуй, старше, чем ей показалось сначала. Может, ей немного за тридцать? *Думай, думай, думай.*

Может, она одна из бывших подружек мальчиков? Несколько лет было трудно уследить за всеми девицами, которые появлялись в их доме. У обоих сложились долгие отношения с загорелыми блондинками в белых кроссовках, которых звали Трейси. Стэн никак не мог усвоить, какая Трейси чья. Обе истории закончились слезами за столом на кухне Джой, которые были пролиты в разные дни под утешительное бормотание и стук ножа резавшей лук хозяйки дома. Трейси Логана до сих пор присылала открытки к Рождеству.

Но эта девушка не напоминала ни одну из подружек мальчиков. Трой был падок на лошечных принцесс, а Логана тянуло к сексуальным библиотекарям, но их незваная гостья явно не из этих категорий.

– Тогда я поняла, что у меня нет денег, – сказала девушка, когда они вошли в кухню.

Она остановилась и, запрокинув голову, уставилась на потолок, словно стояла в соборе. Джой проследила за ее взглядом, путешествовавшим по кухне: сначала он прошелся по буфету, набитому семейными фотографиями в рамках и сувенирами, включая пару ужасных ехидных китайских котиков, которые принадлежали матери Стэна; задержался на вазе со свежими фруктами, стоявшей на столе, – блестящие красные яблоки, ярко-желтые бананы. *Вдруг девочка голодная? Пусть съест все бананы.* Джой не знала, почему продолжает покупать их. Такое ощущение, что они просто украшали интерьер. Большинство превращались в кашу и чернели, после чего Джой, стыдясь за себя, выбрасывала их.

– У меня вообще ничего не было при себе. Ни сумочки, ни телефона, ни денег – ничегошеньки.

– Сядь, дорогая, – предложила Джой и выдвинула стул из-за кухонного стола.

Стэн прекратил допрос, слава богу, и молча достал аптечку из шкафчика над холодильником, куда Джой могла добраться, только встав на табуретку. Он положил коробку на стол и открыл крышку, потому что Джой всегда мучилась с ее тугими защелками. Затем Стэн подошел к раковине и налил девушке стакан воды.

– Давай-ка посмотрим, что там у тебя. – Джой надела очки. – Очень больно?

– Да не, не очень. У меня высокий болевой порог. – Девушка дрожащей рукой взяла стакан и начала пить.

Ногти у нее были неровные. Обкусанные. Эми раньше ужасно грызла ногти. От кожи девушки веяло вечерней прохладой, пока Джой обрабатывала ей рану антисептиком.

– Значит, ты поняла, что у тебя нет с собой сумочки, – напомнила Джой, а Стэн вытащил стул, поставил локти на стол, сцепил пальцы и потерся носом о костяшки, сильно хмурясь.

– Да, и я испугалась, подумала, как же я расплачусь за поездку, и таксист был не из таких, знаете, дружелюбных парней, нет. Я сразу поняла по его виду, что он неприятный тип, может, даже агрессивный. Так вот мы с ним и ехали неизвестно куда, и...

– Неизвестно куда? – перебил ее Стэн. – Но какое место назначения вы назвали таксисту, сев в машину?

Джой стрельнула в него взглядом. Иногда он совсем не понимал, как нужно обращаться с людьми.

– Я не назвала ему адрес. Как-то не подумала. Сказала, поезжайте на север. Пыталась выгадать время, пока не решу, куда мне податься.

– И таксист не заметил, что ты ранена? – спросила Джой. – Он должен был отвезти тебя в больницу, не взяв ни цента!

– Если и заметил, то виду не подал.

Джой горестно покачала головой. *Что за люди теперь.*

– Но как бы там ни было, я почему-то, сама не знаю, что меня заставило, сунула руку в карман джинсов, и... Я не могла в это поверить! Вытащила оттуда двадцатидолларовую бумажку! Это было так неожиданно! Я никогда не нахожу денег случайно!

Лицо девушки при воспоминании о моменте находки осветилось чисто детской радостью.

– Кто-то позаботился о вас, – сказала Джой, отрезая кусочек марли от бинта.

– Да, я знаю. Когда стоимость поездки начала приближаться к двадцати долларам, я стала говорить водителю, что в голову придет: «Поверните налево. Второй поворот направо». Всякое такое. Я была немного не в себе. Меня как будто вел нос. Погодите. Что это я такое говорю? Вел нос. Это звучит как-то смешно. Разве может нос куда-нибудь вести? – Девушка посмотрела на Джой.

– Нет, все верно, – сказала та и похлопала себя пальцем по носу. – Нос тут как внутреннее чутье, оно может нас вести.

Джой глянула на Стэна – тот выпячивал нижнюю губу, словно не одобрял чего-то. Он никогда и никуда не следовал за своим носом. «Тебе нужен план игры, малыш. Нельзя просто бить по мячу и рассчитывать на победу, планируй, как ты выиграешь».

– Как только счетчик отщелкал двадцать долларов, я крикнула: «Стоп!» И вылезла из машины. Сегодня вечером так похолодало, я не подумала! – Девушку пробила неудержимая дрожь. – Я была босая. – Она приподняла грязную ступню и указала на свои пальцы. – Я наступила в канаву. Нога у меня как кусок льда. И я подумала: «Ты идиотка, тупица, тупая идиотка! И что теперь?» А потом у меня закружилась голова, я посмотрела на дома, и ваш показался мне самым дружелюбным, свет в окнах горел, так вот... – Она потянула рукава рубашки. – Я и оказалась здесь.

Джой помолчала, рука с марлей зависла в воздухе.

– То есть... но... значит, ты говоришь, мы не... ты не... – Она пыталась найти как можно более изящный способ выразить свою мысль, но не могла. – Значит, ты нас не знаешь?

Теперь Джой видела, что обманывала себя, думая, будто эта девушка ей знакома. Она была ей знакома, но только в том смысле, как все выглядят знакомыми в наши дни. Они просто пустили в дом совершенно чужого человека.

Джой поискала в их гостье признаки криминальных наклонностей и ничего не обнаружила, хотя не была вполне уверена, как именно должны проявляться эти наклонности. Сережка в носу? Но она выглядела довольно симпатично. Несколько лет назад Эми проколола себе губу, и это было ужасно, так что сережка в носу не слишком взволновала Джой. Татуировка в виде виноградной лозы тоже не выглядела особенно устрашающей. Казалось, девушка вполне приличная. Немного чудаковатая, может быть. Но милая. Она не может быть опасной. Слишком маленькая. Не страшнее мыши.

– У вас нет ни друзей, ни родных, к которым вы могли бы пойти? – спросил Стэн.

Джой еще раз строго глянула на него. Ей, правда, и самой хотелось задать тот же вопрос, но должен же быть какой-то более мягкий способ сделать это.

– Мы только что переехали сюда из Голд-Коста, – ответила девушка. – Я никого не знаю в Сиднее.

«Представьте, – подумала Джой, – вы оказываетесь одни, без денег, в незнакомом городе и не можете вернуться домой, что вам остается, кроме как отдаться на милость чужаков?» Себя она в такой ситуации представить не могла. Ей люди всегда подстилали соломку.

Тут голос подал Стэн:

– Вы... может быть, вы хотите позвонить кому-нибудь? Вашим родным?

– Ну, вообще-то, никого нет... кому можно позвонить прямо сейчас. – Девушка опустила голову, и Джой увидела жалкую, беззащитную тонкую белую шею в просвете между прядями слипшихся волос.

– Посмотри на меня, дорогая. – Джой приложила марлевый тампон к порезу. – Держи пальцем. – Она подвела руку девушки к марле, а потом прилепила тампон пластырем и удовлетворенно вздохнула. – Ну вот. Все исправлено.

– Спасибо. – Девушка посмотрела на Джой ясными бледно-зелеными глазами, обрамленными самыми светлыми ресницами, какие той доводилось видеть. Они были словно припорошены золотом.

Все дети Джой унаследовали темные матадорские ресницы отца. Сама Джой имела совершенно обыкновенные.

Теперь, когда кровь была смыта с лица, девушка оказалась неожиданно симпатичной. Такой милой, исхудалой и уставшей, что Джой ощутила непреодолимое желание накормить ее, наполнить для нее ванну и уложить в постель.

– Я Саванна, – сказала девушка и протянула руку Джой.

– Саванна. Какое хорошее имя, – отозвалась Джой. – У меня есть подруга по имени Ханна. Очень похоже! Ну не очень. Саванна. Откуда мне известно это имя? Знаю, по-моему, у принцессы Анны есть внучка Саванна. Она маленькая милашка, немного злобная! Не думаю, что она принцесса Саванна. Наверное, у нее вообще нет титула. Тебе все это вряд ли интересно. Меня просто всегда занимала жизнь королевской семьи. Я слежу за ними в Instagram.

Кажется, она не могла остановиться. Это случилось, когда Джой чувствовала себя расстроенной или пребывала в шоке, и она поняла, что действительно немного расстроена и шокирована кровью и только что услышанной историей о домашнем насилии. Заметив, что все еще держит маленькую ледяную руку девушки, Джой слегка пожалала ее, как бы в утешение, и отпустила.

– Есть, по-моему, еще одна Саванна, кроме той, из королевской семьи, я уверена... О, знаю! У моей младшей дочери Бруки есть подруга, которая только что родила ребенка, и я на девяносто процентов уверена, что девочку назвали Саванной или, может быть, Самантой.

Тут Джой вспомнила, что малышке на самом деле дали имя Поппи, а оно не имело ничего общего с Саванной или Самантой. Как стыдно, но упоминать об этом ни к чему.

– Сама Бруки пока не готова заводить ребенка, потому что начала собственную физиотерапевтическую практику, а это восхитительно.

Ничего восхитительного, скорее уж действует на нервы, но, как говорил дедушка Джой: «Не порти хорошую историю фактами».

– Она вся сосредоточена на этом. Фирма называется «Физиотерапия Делэйни». У меня где-то есть карточка. Она и правда очень хорошая. Бруки, я имею в виду. Моя дочь. Очень спокойная и терпеливая. Это интересно, потому что мы никогда не думали...

– Джой, – оборвал ее Стэн. – Передохни.

– Мы никогда не думали, что в нашей семье будет медик. – Джой замолчала, приложила руку к шее и наткнулась на наушники, которые так и висели там гигантским говорящим ожерельем. – Я слушаю подкаст, – объяснила она, как дура.

– Мне нравятся подкасты, – сказала Саванна.

– Мы до сих пор не представились! Я Джой. – Она сняла наушники и положила их на стол. – А это – мой сварливый муж Стэн.

– Спасибо, что починили меня, Джой. – Саванна указала на свою заклеенную бровь. – Хоть у вас и не семья медиков, думаю, вы все сделали тип-топ.

Тип-топ. Какое смешное словечко. Будто прошлым дохнуло.

– О, что ты, спасибо тебе, – сказала Джой. – Я никогда... ну... – Она заставила себя остановиться.

– Мне понравился этот дом. – Саванна огляделась. – Как только я его увидела. Он кажется очень теплым и безопасным.

– Тут безопасно, – подтвердила Джой, избегая смотреть на своего супруга. – Хочешь есть, Саванна? Ты голодна? Возьми банан! Или я могу подогреть тебе остатки нашего обеда. – Не давая девушке возможности принять одно предложение, Джой тут же выпаливала новое. – А потом ты, конечно, останешься на ночь.

Хорошо, что сегодня приходила уборщица, старая добрая Барб, и они вместе пропылесосили бывшую спальню Эми.

– О... – произнесла Саванна и неуверенно перевела взгляд со Стэна на Джой. – Я не знаю. Я могла бы только...

Но было ясно, что в такое время идти ей некуда, да и Джой ни при каких условиях не выставила бы эту босую девушку на холод.

Глава 4

Сейчас

Мы пытаемся отыскать следы той девушки, что жила у мамы и папы в прошлом году.

Косметолог, одетая во все безупречно белое, встала на колени у гигантских ступней своего клиента и мягко опустила их в ножную ванну, наполненную ароматной теплой водой с плавающими на поверхности розовыми лепестками и с гладкими овальными камушками, имитирующими дно горного потока.

– Она объявилась на пороге их дома. Однажды вечером.

Клиент, для которого заказали СПА-люкс-педикюр, «роскошный опыт для занятых руководителей», потер ступни о камушки и продолжил разговор – к счастью, на приемлемой громкости. Он даже вежливо поинтересовался, не возражает ли она, если он сделает несколько звонков во время процедуры. Большинство людей просто начинают безостановочно трезвонить и орать.

– Она, вероятно, тут вовсе ни при чем, – сказал он. – Просто мы обзваниваем всех знакомых мамы.

Телефон лежал у клиента в нагрудном кармане не очень свежей белой рубашки, а в уши были вставлены беспроводные наушники. Отец педикюрши говорил, что люди, которые носят такие, похожи на орешки арахиса. Ее отцу недавно исполнилось пятьдесят, и было забавно наблюдать, что он до сих пор считал свои замечания ценными. Клиент вовсе не походил на арахис. Но был очень симпатичный.

– Просто это странно для мамы – так долго не выходить на связь. Обычно она перезванивает мне через две минуты, запыхавшись и переживая, что пропустила мой звонок.

Педикюрша энергичными круговыми движениями терла пятку правой ноги клиента отшелушивающим средством из абрикосовых косточек.

– Я знаю, но она раньше не исчезала, не сказав ни слова. Она прислала нам всем эсэмэски на День святого Валентина. – Он помолчал. – Я скажу тебе точно, что в них говорилось. Подожди секунду. – Он стал листать сообщения в телефоне большим пальцем. – Вот оно. – Он громко прочел: – «Ухожу ИЗ СЕТИ ненадолго! Я думала анаграмма Хорьки 21 дом кто бы прикончить лаком тетек. Подпоите коня! Люблю, мама». Сердечко-эмодзи. Бабочка-эмодзи. Цветочек-эмодзи. «ИЗ СЕТИ» прописными буквами.

Мама педикюрши тоже использовала в сообщениях много эмодзи. Мамы любят эмодзи. Женщина задумалась: что может означать этот конь, которого зачем-то нужно подпоить?

– Это просто означает, что она набирала текст без очков, – сказал клиент тому, с кем разговаривал по телефону и кто, вероятно, заинтересовался тем же. – Ее эсэмэски всегда полны странных, случайных фраз.

Педикюрша попыталась массировать его икроножную мышцу – все равно что мять гранит. Наверное, он бегун.

– Ага, – сказал клиент, – теперь я собираюсь поехать туда и поговорить с отцом, вдруг удастся выяснить что-нибудь еще, хотя едва ли он мне скажет...

В этот момент в его ступне возник внезапный спазм, пальцы растопырились под странными углами.

– Судорога! – крикнул клиент.

Педикюрша едва успела отвернуть голову.

Глава 5

Прошлый сентябрь

Джой прикрыла дверь их супружеской спальни с тихим, извиняющимся щелчком, словно Саванна могла услышать и решить, будто они делают это, потому что она здесь. Всю свою совместную жизнь они со Стэном спали с распахнутой настежь дверью, чтобы беспокойные маленькие дети могли залететь прямо к ним в постель после ночного кошмара, чтобы сами они услышали подростков, вваливающихся в дом навеселе, но, слава богу, живыми, чтобы могли кинуться и оказать медицинскую помощь, дать совет, утешить, чтобы подскочить с кровати утром и сразу ринуться в свою деятельную, важную жизнь.

Раньше закрытие двери было сигналом, что кто-то считает секс неплохой идеей. Теперь это было сигналом, что у них гости.

Нежданная гостья.

Будем надеяться, Саванне тепло и уютно в старой спальне Эми и в ее же старой пижаме. Эми – их старшая, их «вольный дух», как нравилось называть ее Джой, их «проблемный ребенок», как нравилось называть ее Стэну. В следующем году ей стукнет сорок, и она формально не жила в этом доме уже два десятка лет, но продолжала использовать свою спальню как постоянное хранилище, потому что никогда не могла задержаться по одному адресу на достаточно долгий срок, чтобы перевезти туда все свои вещи. По общему мнению, это довольно странное поведение для женщины в возрасте под сорок, и было время, когда Джой и Стэн обсуждали, не пора ли им топнуть ногой, и друзья советовали сделать это, как будто волевого усилия родителей достаточно для того, чтобы превратить Эми в обычного человека. Эми есть Эми, но в данный момент у нее была работа и номер телефона, ногти, как правило, чистые, а волосы, пусть и голубые, не выглядят так, будто в них кишат вши. Джой только этого от нее и добивалась, хотя было бы приятно, если бы Эми иногда их расчесывала.

– Она легла? – спросил Стэн, выходя из ванной в боксерах и белой футболке с V-образным вырезом, из которого выпрыгивали белесые волоски на груди.

Он до сих пор оставался крупным, мускулистым, представительным мужчиной, но в пижаме всегда казался Джой таким уязвимым.

– Думаю, да, – ответила она. – Девочка была совсем сонная после ванны.

Джой настояла на том, что сама приготовит ее для Саванны. Вентили у крана уж больно хитро устроены. Она добавила в воду немного персиковой пены, подаренной ей кем-то на День матери, и достала два самых пушистых гостевых полотенца, какие сумела найти. И как же приятно было видеть выходящую из ванной Саванну, розовощекую и зевающую, с мокрыми кончиками волос и в халате Эми, волочившемся за ней по полу.

Джой слышала округлые нотки счастливого удовлетворения в ее голосе. И испытала давнишнее первобытное удовольствие, как от кормления и купания голодного усталого ребенка с последующим укладыванием чистенького, одетого в пижаму малыша прямо в постель.

– Халат Эми был ей слишком длинен... – Джой замолчала. *Какого черта?!* У нее отпала челюсть. – Ну и ну... Что за дурь?

Куча всевозможных предметов в беспорядке была навалена на комод: древний ноутбук Стэна, который, Джой почти не сомневалась, был сломан; ее айпад, к которому она ни разу не прикасалась; их настольный компьютер с монитором; их телевизор, которому было уже лет десять; калькулятор; старая банка с двадцатицентовыми монетами, в которой накопилось, наверное, долларов двадцать.

– Я просто проявил осторожность, – стал защищаться Стэн. – Мы ничего о ней не знаем. Она может обокрасть нас среди ночи, и мы будем выглядеть идиотами, когда утром вызовем

полицию. «Да, верно, сержант, мы накормили ее обедом, приготовили ей ванну, уложили в постель, а утром проснулись – глядь, а наши вещички-то, все, что нажито, – тю-тю!»

– Не могу поверить, что ты крался по дому и отключал от розеток все то, «что нажито». – Джой провела пальцами по спутанным пыльным проводам, которые свешивались с комода.

О бог мой! Тут был и его бесценный ламинатор, подаренный Троем на прошлое Рождество. С этого началась одержимость Стэна ламинированием всего подряд: инструкций по пользованию пультами от телевизора (допустим, это бесполезно), статей из местной газеты о продаже фирмы Делэйни, вдохновляющих цитат о спорте, которые он распечатывал из Интернета и хотел запомнить. Он бы закатал в пленку и саму Джой, если бы ему выпал шанс.

– Погоди, это что, DVD-плеер? Стэн, она не взяла бы DVD-плеер. Никто уже не пользуется DVD-плеерами.

– Мы пользуемся, – сказал Стэн.

– Люди ее возраста не смотрят DVD, – возразила Джой. – Они все стримят.

– Ты даже не знаешь, что такое стриминг.

– Знаю, – заявила Джой и пошла в ванную чистить зубы. – Это просто смотреть «Нетфликс» по телевизору, разве нет? Или стриминг – это что-то другое?

Стэн не имел права изображать, будто лучше ее разбирается в технологиях. У него даже мобильного не было, из принципа и упрямой гордости. Ему нравилось, когда люди испытывали шок, узнав, что он никогда не пользовался мобильным телефоном и не собирается этого делать. Стэн искренне верил, что это дает ему моральное превосходство, чем просто бесил Джой, потому что, извините, но это не так. Когда Стэн говорил о своем отношении к мобильным телефонам, можно было подумать, он единственный человек в толпе, не поднимавший руку в нацистском приветствии.

До того как они отошли от дел, Стэн гордо заявлял всем и каждому: «Мне не нужен телефон, я тренер по теннису, а не хирург. В теннисе не бывает срочных вызовов». Но они были, и Джой не один раз в году страшно злилась, когда не могла связаться с ним и оказывалась в сложных ситуациях, которые легко могли бы разрешиться, будь у него мобильник. Впрочем, принципы ничуть не мешали Стэну пользоваться проводным телефоном и звонить Джой на ее мобильный, когда она ходила по магазинам, спрашивать, долго ли еще ее ждать, и говорить: «Купи, пожалуйста, еще крекеров с перцем чили». Но когда Стэн уходил куда-нибудь, то уж он уходил, и если Джой слишком много думала об этом и возникала угроза не на шутку разъяриться, она просто не думала.

Вот в чем секрет счастливого брака – избегать вспышек ярости.

Джой надела свою самую красивую пижаму, раз уж в доме гости, и нырнула в постель рядом со Стэном. Ее движения выглядели несколько театральными, словно за ней кто-то наблюдал. Они немного полежали молча, на спинах, зажав стеганое одеяло под локтями, как хорошие дети в ожидании сказки на ночь. Верхний свет был потушен, но лампы у кровати горели. На тумбочке со стороны Джой стояла свадебная фотография в рамке. Обычно Джой смотрела на нее, не замечая, как на мебель, но иногда, без предупреждения, при взгляде на снимок вдруг оказывалась в том самом моменте, когда он был сделан: ощущала легкое царапанье кружева на вырезе платья, руку Стэна, намеренно низко лежавшую у нее на спине, и невольное трепетное ожидание того, что это дикое счастье будет всегда и по первому требованию доступно, потому что она получила этого парня – парня с низким голосом и мощной подачей, а скоро последуют и призывы: дети, пикники и дорогие рестораны по особым случаям, может быть, собака. Все в то время рябило сексом: теннис, тренировки, еда, даже облака в небе.

Годами она испытывала смущение, слыша, как люди говорят, что они знают день, когда был зачат их ребенок. Откуда им это известно? Сама она блаженно и восторженно верила, что все супружеские пары занимаются любовью каждый день.

Но в какой именно день они зачали младшую дочь, она знала.

И тогда поняла.

Джой ждала, что Стэн возьмет в руки книгу, или включит радио, или погасит свет, но он ничего этого не делал, и она решила, что он хочет поговорить.

– Хорошо, что у нас осталась запеканка из курицы. Было чем накормить ее. Она выглядела совсем голодной.

Саванна ела, как беженка времен войны. Посреди еды она вдруг заплакала, даже разрыдалась, но продолжала совать в рот кусок за куском, хотя по щекам ее лились слезы. Смотреть на это было неловко и грустно. А потом она запихнула в себя не один, а два банана!

– Запеканка не особенно удалась. В ней не хватало... пряностей, полагаю. – Джой всегда слишком долго готовила курицу. Из ужаса перед сальмонеллой. – У меня и еще осталось – дать Штеффи на завтрак.

Джой предпочитала не ставить Штеффи в неловкое положение, предлагая ей собачью еду, так как Штеффи, похоже, не считала себя собакой. Каждое утро после завтрака Штеффи подолгу разговаривала с Джой, издавая странные, протяжные, скулящие звуки, которые хозяйка с горечью принимала за невнятные попытки собаки имитировать английский. Единственный раз они попытались отвести Штеффи в местный собачий парк, но псина пришла в ужас и сидела у ног хозяев с застывшим на морде высокомерным выражением, как светская дама, попавшая в «Макдоналдс».

Стэн взбил подушку и положил ее себе под голову:

– Штеффи предпочла бы на завтрак экземпляр «Сидней морнинг геральд».

– Она напомнила мне одну маленькую девочку.

– Штеффи?

– Нет, Саванна.

Немного помолчав, Стэн спросил:

– О какой маленькой девочке ты говоришь? Из теннисной школы? Она хорошо играла?

Джой фыркнула:

– Из сказки о девочке, которая пыталась продавать спички морозной ночью. Мама читала мне. Кажется, в конце девочка замерзла насмерть.

– Похоже на твою мать – выбрать сказку с трупом в развязке.

– Мне нравилась эта история.

Стэн потянулся за очками и книгой. Он не особенно любил чтение, но пытался одолеть роман, подаренный ему Эми на Рождество, потому что она все спрашивала: «Папа, тебе понравилась книга?» Жене Стэн признался, что был вынужден начать с начала, поскольку ничего не понял.

– Ужасно думать, как поступил с ней ее парень, – сказала Джой. – Просто ужасно. Представь, что это была бы одна из наших девочек.

Стэн не ответил, и она мысленно обругала себя за то, что предложила мужу представить их дочерей в подобной ситуации. В четырнадцать лет Стэн видел, как его отец толкнул мать и та, отлетев на другой конец комнаты, ударила головой и потеряла сознание. Это был, предположительно, первый и единственный раз, когда его отец совершил нечто подобное, но, вероятно, на четырнадцатилетнего мальчика сцена произвела ужасное впечатление. Стэн отказывался говорить о своем отце. Если дети задавали вопросы про дедушку, он отвечал: «Я не помню», и со временем они перестали спрашивать.

– Наши девочки – спортсменки и росли с братьями. Они не потерпели бы такого.

– Не думаю, что все так просто, – возразила Джой. – Начинается с мелочей. Сперва ты миришься с мелкими обидами, а потом... мелочи постепенно начинают укрупняться.

Стэн молчал, и ее слова слишком долго висели над их постелью.

Сперва ты миришься с мелкими обидами, а потом... мелочи постепенно начинают укрупняться.

- Как лягушка, которую сварили заживо, – произнес Стэн.
- Что? – Джой услышала, что ее голос прозвучал немного скрипуче.

Стэн глядел в книгу. Он перевернул лист не в том направлении, и у Джой мелькнула мысль, что муж не собирается отвечать ей, но потом он сказал, не отрывая глаз от страницы:

– Ты же знаешь эту теорию: если положить лягушку в теплую воду и постепенно увеличивать нагрев, она не выскочит наружу, так как не осознает, что ее медленно варят.

– Я уверена, это городской миф. Сейчас зауглю. – Джой потянулась за своим телефоном и очками.

– Гугли молча. Мне нужно сосредоточиться. Этот тип только что на трех страницах рас-
сусоливал о своих воспоминаниях про чью-то улыбку.

– Дай мне прочесть, – попросила Джой. – Я подведу итог. И объясню тебе суть.

– Так нечестно, – ответил Стэн.

– Это не тест, – вздохнула Джой, но Стэн, похоже, считал это тестом, устроенным Эми, и хотел доказать ей свою любовь.

Эми не раз устраивала им тесты, проверяя на прочность их родительские чувства.

Джой не стала утруждать себя поисками в Интернете сведений о бедной вареной лягушке. Она просмотрела сообщения и подумала, не послать ли эсэмэску кому-нибудь из детей или всем им о приبلудившейся к ним девушке, которая поздно вечером оказалась на пороге их дома, но почувствовала, что эта новость может быть встречена с неодобрением или даже с испугом. С тех пор как они продали теннисную школу, дети все громче и настоятельнее стали советовать родителям, какую жизнь им теперь следует вести. Они предлагали туристические поездки, жизнь в деревне, круизы, мультивитамины и sudoku. Джой терпела эти интервенции, хотя ни разу не упомянула об очевидной нехватке в ее жизни внуков.

Одно сообщение вечером пришло от Каро:

Ты выполнила домашнее задание?

Имелся в виду курс по написанию мемуаров. Они должны были осуществить «спуск на лифте», то есть описать свою жизнь вкратце, всего в нескольких абзацах. Придется заняться этим, хотя она и не собиралась заканчивать курс. Джой не хотела задевать маленькие бодрые чувства маленького бодрого учителя.

Отвечать Каро сейчас нет смысла, она спит. Саванна ни за что не выбрала бы дом Каро как безопасную гавань, потому что свет в нем каждый вечер гасили ровно в девять.

Вместо этого Джой кликнула по ссылке на статью, которая, как предсказывал телефон, заинтересует ее: «Сорок счастливых моментов между отцом и сыном, принцем Уильямом и принцем Джорджем».

Она добралась до семнадцатого счастливого момента между принцами Уильямом и Джорджем, когда Стэн с тяжелым вздохом отложил книгу и взялся за свой айпад, который несколько месяцев назад подарил ему на день рождения Трой.

Все считали, что Стэн из принципа не станет им пользоваться, ведь айпад – это почти то же самое, что айфон? Очевидно, нет. Стэн полюбил свой айпад так же, как ламинатор. Он каждый день читал на нем новости, так как мог укрупнить размер шрифта, чего нельзя сделать с газетой. Трой безмерно обрадовался, что угодил отцу с подарком. Для него было важно всегда выходить победителем в конкурсе на лучший презент.

Джой поглядела через плечо Стэна – что он там читает? – зашла на тот же сайт и прокрутила подборку новостей, чтобы ознакомиться с той же статьей и быть готовой поправить его, когда он попытается поправить ее в споре по этом вопросу.

«Хватит нудить, папа», – сказала однажды Эми за семейным обедом, когда за столом возникла подобная принципиальная дискуссия между отцом и матерью. «Он не нудит, а стэндит», – переиначила слова дочери Джой, и это вызвало дружный смех.

Ее большой палец остановился.

Характерное сочетание букв было таким знакомым, что выпрыгнуло с экрана, как ее собственное имя: Гарри Хаддад.

Джой подождала. Это тянулось вечность. Она подумала: неужели Стэн пропустит? Но вот наконец его тело замерло.

– Ты видишь это? – Он приподнял айпад. – О Гарри?

– Да, – бесстрастно ответила Джой. Важно было притвориться, что их бывший звездный ученик Гарри Хаддад – не болезненная тема для разговора, вовсе нет, и что она не пытается сменить ее или, не дай бог, утешить или выразить сочувствие. – Я видела.

– Я знал, – сказал Стэн, – знал, что этот день наступит. Я знал, что это еще не конец.

– Да? – Если это правда, в чем Джой сомневалась, то он никогда об этом не упоминал, но она не стала ничего говорить. – Ну что ж... Это будет очень... интересно.

Выждав момент, Джой осторожно положила телефон вниз экраном на прикроватную тумбочку рядом с наушниками. Блестящий металлический чехол мобильного, тоже подарок Троя, мерцал под лампой, как зеркальный шар.

Джой зевнула. *Начал со лжи, а закончил искренностью.* Она закинула руки за голову. Стэн выключил айпад и снял очки.

– Интересно, когда проснется Саванна? – Джой выключила лампу и повернулась на бок. Слава богу, эта бедная девушка постучалась именно в их дверь и именно сегодня вечером. Она отвлечет их от чертова Гарри Хаддада. – Как тебе кажется, она жаворонок?

Стэн ничего не сказал. Он положил свой айпад, выключил лампу и перекатился на бок, как обычно утягивая за собой одеяло. Джой, как обычно, вытащила его обратно. Теплая спина Стэна давала ощущение покоя, однако Джой чувствовала охватившее мужа напряжение.

Наконец он произнес:

– Джой, я не знаю, ранняя она пташка или нет.

А в другом конце коридора их нежданная гостья лежала на спине на аккуратно застеленной узкой постели, сложив руки на груди, как у трупа или как хорошая маленькая девочка, дверь ее спальни была широко открыта, словно для того, чтобы показать – скрывать ей нечего и не от кого.

Глава 6

Сейчас

Барб Макмэхон беспощадно стерла пыль со свадебной фотографии Джой и Стэна Делэйни, подумав про себя, какой же красивой парой они были. Замуж Джой выходила в платье с высоким вырезом и пышными рукавами. Стэн был одет в рубашку с жабо и широким отложным воротником и фиолетовые брюки клеш.

Барб присутствовала на их свадьбе. Проходила она шумно. Некоторые гости считали жениха и невесту странной парой: Стэн – огромный длинноволосый детина и Джой – хрупкая блондинка, принцесса из сказки. Но Барб полагала, что эти злые языки, вероятно, просто завидуют очевидной сексуальной химии между ними, заметной до неприличия, бьющей в глаза. Разумеется, в то время никто не называл это химией. Барб была почти уверена, что выражение это изобрели издатели журнала «Холостяк».

Через год после этой свадьбы сама Барб вышла замуж за Даррина, и особой химии она не помнила – одни только серьезные разговоры о целях для накоплений. Когда десять лет назад Даррин умер от удара, Барб для приработка начала заниматься уборкой. Она убирала только в домах друзей, вроде Джой, и других людей своего круга и поколения. Дочь считала Барб странной. *Мама, неужели тебе приятно этим заниматься? А почему ей должно быть неприятно?* Барб нравилось делать уборку для друзей и друзей друзей – женщин, у которых никогда не было прислуги и которые смущались, считая это невероятной роскошью, а потому с радостью брались за дело вместе с ней, болтали за работой, и Барб получала от этого удовольствие, поскольку время пролетало незаметно.

Но сегодня Джой не было, и время не летело.

– Она уехала, – сообщил Стэн.

Выглядел он ужасно. Еще бы, раз Джой не присматривает за ним. Он, наверное, и яйцо себе сварить не умеет. Подбородок зарос снежно-белой щетиной, а на щеке – две длинные царапины вроде железнодорожных путей.

– Уехала? – (Джой ни разу не уезжала. Да и куда ей ехать?) – А когда?

По словам Стэна – в День святого Валентина. Восемь дней назад.

– Она не упоминала, что куда-то собирается, – сказала Барб.

– Решилась в последний момент, – сухо ответил Стэн, как будто Джой было свойственно принимать решения в последний момент.

Очень странно.

Со вздохом сожаления Барб поставила фотографию на место, включила в розетку пылесос и попыталась вспомнить, собирались ли они пылесосить под кроватью? Давно ли они делали это? Джой нравилось, чтобы они отодвигали кровать в сторону и хорошенько все вычищали под ней по крайней мере раз в месяц.

Встав на четвереньки, Барб заглянула под кровать. Пыли не много. Подождем возвращения Джой. Барб собиралась уже подняться на ноги, как вдруг ее глаз зацепился за что-то. Блестящее.

Барб распласталась на животе и дотянулась до заинтересовавшего ее предмета кончиками пальцев. Она хорошо дотягивается до мячей. Джой говорила так, когда Барб играла на вечерних женских теннисных турнирах. Она подтолкнула вещицу к себе. Это был мобильный телефон Джой. Барб сразу его узнала из-за блестящего чехла, похожего на театральные сумочки из мелких металлических пластинок, которые все любили в семидесятые.

Поднявшись на ноги, Барб села на кровать Джой и Стэна. От затраченных усилий она немного запыхалась. Телефон разрядился.

Выходит, Джой уехала без своего телефона? Барб слегка затошнило.

Она пошла на кухню, где сидели за столом Стэн и его сын Трой. Они разговаривали, но были похожи на двух незнакомцев, случайно оказавшихся за одним столиком в столовой, хотя перед ними не стояло ни чашек, ни тарелок с едой.

Трой держал наушники Джой, которые были ей так дороги. Барб испытала странное чувство, ее будто холодом обдало. Это было так интимно, словно бы Трой взял в руки что-то безраздельно принадлежавшее его матери – парик или зубной протез.

– Привет, Барб, – бодро произнес Трой. – Давно не виделись. Симпатичная прическа. Как...

– Я только что нашла телефон твоей матери. – Она показала его.

Улыбка исчезла с лица Троя мгновенно, словно Барб дала ему пощечину. Взгляд переметнулся на отца.

Стэн молчал. Ни словечка. Он даже не выглядел удивленным. Просто встал и тупо протянул руку за телефоном.

«Должна сказать, реакция Стэна показалась мне необычной, – позже говорила Барб знакомым, потом делала паузу и тяжело вздыхала, отчего щеки у нее опадали, отягченные ужасающим грузом ее внутреннего знания. – Даже, можно сказать, подозрительной».

Глава 7

Трой только что звонил, сказал, что Барб нашла мамин телефон под кроватью.

Голос физиотерапевта доносился до того места, где сидела пациентка, читавшая журнал о здоровом образе жизни. Это был ее третий визит на реабилитацию после хирургической операции по поводу разрыва передней связки, ставшего следствием неудачного падения во время пробежки. Явившись на пятнадцать минут раньше, пациентка не стала жать на звонок в приемной на тот случай, если Бруки – так звали физиотерапевта, очень милую, заботливую и спокойную женщину, – занята с другим больным.

Ей хотелось быть полезной, так как Бруки только недавно открыла свой кабинет и у нее пока не было администратора.

Во время первой консультации они сошлись на том, что обе имеют опыт изнурительных мигреней.

Бруки Делэйни объяснила, что решила стать физиотерапевтом, пообщавшись с таким врачом в детстве. «Он сказал, что, вероятно, сможет помочь мне с мигренью, если она вызвана напряжением в верхнем шейном отделе, – поделилась воспоминанием Бруки. – Моя шея не была виновницей, но я до сих пор думаю, что он был одним из немногих медиков, которые восприняли меня всерьез. Знаете, люди часто считают, что другие преувеличивают свою боль? Особенно маленькие девочки».

Ох, пациентке это было прекрасно известно.

Она перевернула страницу и попыталась не слушать явно личный разговор.

– Это объясняет, почему мама не отвечает на звонки. – Голос Бруки звучал свободнее, громче и как будто моложе, чем тот утешительный, тщательно выверенный тон, каким она разговаривала с пациентами. – Просто мы считаем, что дело может быть более серьезным, чем нам сперва показалось.

О боже! Пациентка закрыла журнал. Теперь она уже жалела, что не позвонила в звонок.

– Я знаю. Вне Сети – значит вне Сети, но просто это на нее не похоже – оставить телефон дома.

Пауза.

– Конечно, но помнишь, ты сказал, что вы с мамой поссорились, когда разговаривали в последний раз.

Пауза.

– Да-да, я знаю, папа, просто подумала... Я подумала, была ли это нехорошая ссора?

Слово «нехорошая» сопровождалось сейсмическим тремором эмоций.

Пациентка встала. Бросила журнал в корзину. Такой разговор точно нельзя подслушивать. У всех есть свои секреты. У пациентки, порвавшей связку во время пробежки, их, вообще-то, не было. Она в жизни не бегала. А выпала из такси после двух бокалов шампанского и трех мартини, выпитых на обеде по случаю ее пятидесятилетия. Женщина подозревала, что Бруки Делэйни догадывается: никакого бега трусцой не было. И ценила, как деликатно та не затрагивала лишний раз эту тему.

Пациентка быстро встала и вышла из приемной. Она вернется через пятнадцать минут. Ей ни к чему узнавать, предположительно, ужасные семейные тайны своего милого физиотерапевта.

Глава 8

Прошлый сентябрь

В понедельник утром Бруки Делэйни ехала на работу в машине с тихо мурлычущим радио и опущенными солнцезащитными козырьками. Время от времени она негромко постанывала, эффекта ради. Для кого она старалась, и сама не знала. Вероятно, для себя. На ней были поляризационные очки от солнца, но утренние яркие лучи, лившиеся в салон сквозь тонированные стекла, все равно причиняли боль какого-то неопределенного свойства, как легкая обида, нанесенная незнакомцем.

Бруки остановилась у пешеходного перехода, чтобы пропустить маленькую девочку-школьницу. Та благодарно помахала ей рукой, как взрослая, и торопливо перешла на другую сторону. У нее плоскостопие. Сердце Бруки заныло. «Ты в порядке, – сказала она самой себе и надавила на газ, при этом ее глаза наполнились слезами. – Ты чувствуешь себя странно, тебе хочется плакать, ты вот-вот развалишься, все вокруг сюрреально, но ты в порядке».

Она потрогала свой лоб.

Боль – это лишь воспоминание о боли, а не сама боль.

Мигрень атаковала ее зверским ударом в правый глаз рано утром в субботу. Она была готова к этому. Знала, что пытка приближается, а потому в предчувствии худшего отменила все, что было запланировано. И провела выходные одна в своей спальне с закрытыми жалюзи и холодным полотенцем на лбу. Никого – только она и мигрень.

Это был первый приступ с тех пор, как Грант уехал от нее шесть недель назад. Никого, кто принес бы лед или стакан холодной воды, никого, кто заглянул бы к ней, проявил бы заботу или положил бы ей на лоб крепкую руку. Но она и сама справится. Мигрень – не роды. Хотя она читала одно исследование, в котором говорилось, что женщины, испытывшие и то и другое, ставили боль при мигрени выше родильной, что странным образом вселяло бодрость.

Бруки помнила рассказ своей подруги Инес о том, что после развода она сама собрала стол из «ИКЕА» под песню «Г'm woman» Хелен Редди, но, когда закончила сборку, ей хотелось одного – позвонить своему бывшему и рассказать об этом.

Такое же желание испытывала и Бруки – позвонить Гранту и рассказать ему, что она справилась с мигренью одна. Глупо и смешно! Ее мигрени ему больше не интересны. А может, никогда и не были.

«У тебя постдром¹, моя дорогая?» – сказала бы мать, если бы увидела ее сегодня утром, потому что теперь благодаря своему подкасту она легко распознавала симптомы мигрени и с небрежной легкостью пользовалась профессиональным жаргоном.

В таких случаях Бруки хотелось рявкнуть: «Не пользуйся медицинским сленгом, мама, если у тебя никогда не было мигрени!»

Но ее мать так полна раскаяния, что это просто невыносимо. Бруки знала о желании своей родительницы искупить вину и не думала, что намеренно отказывает ей в этом, но, определенно, не давала матери того, в чем та нуждалась.

– Понимаешь, – говорила Джой, – в том году, когда у тебя начались головные боли, то есть мигрень, я была так занята, это был действительно плохой год для нашей семьи, наш annus horribilis, как сказала бы королева. Может быть, я неправильно произношу эти слова – мой старый ворчливый учитель латыни, мистер О'Брайен, поправил бы меня, он утонул, бедняга, на пляже Авока-Бич, очевидно, заплыл за буйки и попал в волну, – так что некого винить, кроме себя, но все же, как бы там ни было, тот год, тот ужасный год, тогда было просто много

¹ *Постдром* – в английской медицинской терминологии: четвертая, последняя стадия мигрени, когда боль постепенно спадает.

всего... мы думали, что можем потерять свой бизнес, и обе ваши бабушки тяжело болели, и я не представляла, как ты мучаешься...

Тут Бруки обрывала ее, потому что слышала это уже множество раз – все, начиная с того, как утонул учитель латыни.

– Не переживай, мам. Это было так давно.

У ее матери избыток свободного времени. Вот в чем проблема. Она немного потеряла связь с реальностью. Часами рассматривала старые фотографии, а потом звонила своим детям, чтобы сказать им, какие милые они были в детстве и как ей жаль, что тогда она этого не замечала.

Правда состояла в том, что сама Бруки не помнила, чтобы мама отмахивалась от ее мигреней. В памяти не сохранилось воспоминаний о тех «непростительных» случаях, когда Джой кричала на нее за то, что она лежала, не в силах приподнять голову с подушки, если они куда-нибудь опаздывали.

Что Бруки помнила, так это невероятную, потрясающую боль и свою злость на мать за то, что та не может с ней справиться. Она не рассчитывала в этом ни на отца, ни на врачей. Она ждала, что мать поможет ей, исправит все.

Теперь Бруки сама справляется с мигренями: эффективно, со знанием дела, без паники. Следи за симптомами. Быстро начинай принимать лекарства. Это первый приступ за шесть месяцев. Она сама в ответе за то, чтобы держать монстра в цепях, но иногда монстр сбрасывал с себя оковы.

– В прошлый вторник завершивший карьеру знаменитый теннисист Гарри Хаддад рассказал о своих планах... – (Слова радиоведущего проникли в сознание Бруки, и она прибавила звук.) — ...вернуться в профессиональный теннис в следующем году. Трехкратный победитель турниров Большого шлема закончил выступления четыре года назад после серьезной травмы плеча. В прошлый вторник он объявил о своих планах на странице в социальных сетях и сегодня разместил фотографию своей тренировки под руководством нового тренера, бывшей чемпионки Уимблдона Николь Ленуар-Джордан. Хаддад, который, по некоторым сведениям, скоро опубликует автобиографию, очевидно, надеется вписать еще одну восхитительную страницу в свою невероятную карьеру.

– Ради бога, Гарри! – произнесла Бруки и резко убавила звук радио, выражая неодобрение.

Он совершал ошибку. Его плечо никогда не придет в норму, и Николь – не тот человек. Бывшие чемпионы не обязательно великие тренеры. Николь Ленуар-Джордан – красавица, целеустремленная спортсменка, однако Бруки подозревала: терпения, чтобы быть наставником теннисиста, у нее не хватит.

Она постучала пальцами по рулю и пробормотала, поторапливая светофор:

– Давай же, давай.

У ее отца тоже не хватало терпения на светофоры, на детей, которые слишком долго завязывали шнурки, и на романтические сцены в фильмах, но, когда речь шла о тренерской работе, тут он был само терпение.

Бруки помнила, как отец наблюдал за своими учениками и анализировал их игру: глаза прищурены от солнца – он отказывался надевать солнцезащитные очки на корте (момент, когда Бруки позволили сделать это в бесплодной попытке побороть мигрени, был поистине историческим), а потом подзывал игрока к сетке, подняв вверх указательный палец и формулируя в голове мысль: «Что я должен сказать или сделать, чтобы у этого ребенка в голове шелкнуло?» Он никогда не повторял одно и то же наставление дважды.

Мать Бруки очень хорошо проводила групповые занятия с малышами – они у нее все время бегали и смеялись. Она надевала гламурные солнцезащитные очки с очень большими стеклами во время тренировок с детьми и никогда – на игры. Однако у нее не было ни желания, ни терпения, чтобы вести к цели одного игрока. Джой была деловая женщина, мозг фирмы Дел-

эйни, именно она организовала магазин по продаже товаров для тенниса, кафе, лагерь выходного дня.

Джой делала деньги, а Стэн – звезд, только вот свою ярчайшую – Гарри Хаддада – они потеряли.

Стэн мог бы тренировать Гарри и дальше, сколь угодно долго, хотя некоторые считали, что три Больших шлема – это большее, на что тот способен. Только не отец. Он верил, что Гарри мог бы взлететь так же высоко, как Федерер, что Гарри станет тем австралийцем, который наконец размочит засуху Открытого чемпионата Австралии, но никто никогда не узнает, что могло бы случиться в параллельном мире, где Гарри Хаддад остался бы с тренировавшим его в детстве крутым Стэном Делэйни.

Сигнал светофора сменился, Бруки надавила на газ, думая о своих бедных родителях и о том, как они отнеслись к этой новости. Ведь наверняка уже знают. Объявление было сделано в прошлый вторник. Если они не видели этого в новостях, кто-нибудь из знакомых по теннису обязательно сказал бы им. Странно, что мать не позвонила ей обсудить это, попереживать из-за отца и того, какие чувства он испытает, снова увидев Гарри на корте.

Наблюдать за тем, как отец смотрит по телевизору теннисный матч с участием Гарри Хаддада, было больно. При каждом набранном очке отца пробирала дрожь от с трудом сдерживаемого внутреннего напряжения, он сидел, вжав голову в плечи, на его лице читалась душевнораздирающая смесь гордости и страдания. Вся семья испытывала противоречивые чувства к этому самому знаменитому ученику Стэна. Многие игроки из Теннисной академии Делэйни хорошо выступали на местных соревнованиях, но только Гарри проделал весь путь и добрался до земли обетованной. Он единственный поцеловал магический кусок серебра – Кубок Уимблдона в мужском одиночном разряде – причем не один, а два раза.

Талант Гарри открыл отец Бруки. Мальчик никогда не держал в руках ракетки, но однажды отец Гарри выиграл на благотворительной лотерее сертификат на часовое индивидуальное занятие в Теннисной академии Делэйни и решил привести туда своего восьмилетнего сына. Остальное, как любила говорить мать Бруки, – достояние истории.

Теперь Гарри был не только спортивным идолом, но и известным филантропом. Он женился на красавице и имел троих прекрасных детей, один из которых был болен лейкемией, именно тогда Гарри стал страстным поборником исследований рака у детей. Он собирал миллионы. Он спасал жизни. Разве можно сказать хотя бы одно дурное слово о таком человеке? Нельзя.

А Бруки могла, потому что Гарри не всегда был святым. В детстве, когда она, ее братья и сестра хорошо его знали, он был трусоватым стратегическим лжецом. Он использовал обман как тактику не только для того, чтобы набирать очки, но и с целью огорошить и разозлить противников. Отец Бруки никогда в это не верил. У него в глазах появлялись слепые пятна, когда речь шла о Гарри, и это вполне понятно, ведь то же самое происходило почти со всеми взрослыми, когда дело касалось Гарри. Они видели только его непревзойденный талант.

Во время матча против брата Бруки Троя, когда оба они были подростками, Гарри не раз беззастенчиво лгал, выкрикивая, что мяч за, когда он явно был в поле. Наконец Трой сорвался. Он отшвырнул ракетку, перескочил через сетку и пару раз хорошенько врезал подлецу. Оттаскивать его от Гарри пришлось двоим взрослым мужчинам.

Троя отстранили от игр на полгода, и это было еще слабым наказанием, по словам отца, которому потребовалось немало времени, чтобы простить так опозорившего его сына.

А потом, всего через два года, Гарри Хаддад предал Стэна Делэйни – отказался от него в качестве тренера после победы на Чемпионате Австралии среди юниоров. Отец Бруки получил удар исподтишка. Он-то считал, и не без оснований, что вырастил Гарри. Стэн любил его как сына, может быть, даже больше, чем своих сыновей, потому что Гарри никогда не спорил с ним на тренировках, не бунтовал, не вздыхал и не закатывал глаза, не волочил ног, выходя на корт.

Предположительно, покинуть Делэйни решил не сам Гарри, а его отец. Элиас Хаддад, фотогеничный, харизматичный папаша Гарри, был его менеджером и на каждом матче сидел в ложе для болельщиков игрока с очередной подружкой под боком. Бруки и остальные младшие Делэйни не верили, что решение бросить их отца было принято без участия самого Гарри, несмотря на проникновенную записку, которую тот прислал Стэну, и на серьезный лицемерный тон, каким он высказывал в интервью для фанатского журнала благодарность своему первому тренеру. С тех пор отец больше не сходил близко ни с одним из своих учеников. Они любили его, и он отдавал им все, что мог, но сердце свое оберегал. По крайней мере, такой теории придерживалась Бруки.

Она въехала на забитую машинами парковку у «Пьяццы» – так после недавней реновации стал именоваться местный торговый центр. Все ехидничали по поводу дизайна в стиле «городок в горах Тосканы», но Бруки это не волновало. Новый итальянский гастроним был великолепен, в кафе повесили несколько красивых фотографий Тосканы, искусственные цветы в подвесных корзинах, если не присматриваться, выглядели почти как живые, и в фальшивой булыжной мостовой, по крайней мере, не застревали каблучки, как в настоящей.

– Хотя случайно подвернутая лодыжка, вероятно, пошла бы на пользу твоему бизнесу, да, Бруки? – подмигивая и тыкая локтем под ребра, сказал ей с месяц назад, в день открытия, один местный парламентарий, после того как перерезал огромными новехонькими ножницами церемониальную ленточку. Этот парламентарий был из тех мужчин, которые во всем умеют отыскать неявные сексуальные коннотации.

Если заданный попыткой пожить отдельно импульс будет подхвачен и дело дойдет до развода, что казалось вполне вероятным, Бруки придется идти на свидание – накрасить губы и выносить за чашкой кофе смутные сексуальные коннотации.

Она зарулила на любимое парковочное место, выключила двигатель и посмотрела на свою левую руку, лежавшую на руле. Никаких следов отсутствия обручального и помолвочного колец. Она все равно никогда не носила их на работе да и по выходным часто забывала надевать, что, может быть, имело какое-то значение, а может, и нет. Бруки искала упущенные знаки неблагополучия.

Клиника «Физиотерапия Делэйни» занимала состоявшийся из двух комнат офис, который размещался между кафе и вегетарианским магазином. Раньше помещение арендовала гадалка по картам Таро, и ее клиенты, срочно нуждавшиеся в предсказании, время от времени оказывались на пороге кабинета Бруки. Только на прошлой неделе какой-то парень в рубашке с турецкими огурцами и в узких брюках сказал: «Ох, ну ладно, если вы не гадаете на картах, может, посмотрите, что у меня с коленом?»

Бруки предрекла ему в будущем операцию.

– Бррр! Что-то пока не похоже на весну! – заявил ведущий прогноза погоды.

Бруки подправила выбившуюся из ряда ресницу, глядя на себя в зеркало заднего вида. Глаза красные и слезящиеся. Сегодня пациентам придется говорить, что у нее аллергия. Никто не захочет лечиться у физиотерапевта с мигренью.

Никто не захочет иметь жену с хронической мигренью. Дочь или сестру с мигренью. Или даже подругу. Все эти отмены запланированного! Бруки позволила катушке с мыслями о жалости к себе размотаться только до этого места и обрезала нить.

– Кто ждет последних двух недель снежного сезона? – вопрошал ведущий прогноза погоды.

– Я жду, – сказала Бруки.

Весеннее катание на лыжах влекло за собой вывихи голеностопов и растяжения коленных связок, травмы спины, переломы запястий.

Прошу Тебя, Господи, пусть будут травмы! Столько, чтобы деньги лились рекой.

Бог ответил в том же обиженном тоне, каким отвечала по телефону мать Бруки, когда ее дети пропадали слишком надолго: «Привет, незнакомец».

«Забудь мою просьбу, ладно?» – подумала Бруки, выключила радио, отстегнула ремень безопасности и немного посидела. В животе у нее заурчало. Слабая тошнота возможна на следующий день после приступа мигрени. «Давай, – сказала она себе, как будто была едва начавшим ходить ребенком. – Вылезай уже».

Даже в хорошие дни, когда она не была в стадии постдрома, приезжая куда-то, где ей действительно хотелось быть, Бруки всегда испытывала это нежелание выходить из машины. Немного странно? Ну и что. Такой у нее бзик. Никто не заметит. Ну, Грант замечал, если они куда-то опаздывали, но больше никто. Это началось в те времена, когда она еще выступала на теннисных соревнованиях. Приезжала на турнир, и ее парализовывало желание остаться в теплом душном коконе машины. Но в конце концов она всегда вылезала. Нет проблем. Не то что ее сестра.

Не спешить. До первого пациента еще полчаса.

Бруки обхватила руками руль и смотрела, как какой-то пузатый мужик выходит из почтового отделения с тяжелой коробкой в руках и идет, не сгибая коленей. Это хороший метод, приятель, напрягай мышцы спины.

Бруки, вылезай из машины!

Подыскивая помещение для клиники, она знала о запланированной реновации, и в результате ей предложили значительную скидку по арендной плате, однако Бруки не могла предугадать, что будет проходить месяц за месяцем и отсрочка следовать за отсрочкой. Дела у всех шли ни шатко ни валко. Дорогущая кондитерская, проработавшая сорок лет, закрылась. Брак парикмахеров распался.

Напряжение росло, а Бруки нужно было бороться со стрессом, чтобы держать под контролем мигрень. Людям, страдающим мигренями, не рекомендуется открывать новое дело или расставаться с мужьями, тем более делать это одновременно. Они должны осторожно перебираться изо дня в день, будто у них травма спинного мозга.

Бруки едва удалось удержать на плаву свою не оперившуюся медицинскую практику. Выдался такой период, когда у нее двадцать три дня подряд не было ни одного пациента. Слова: «Тебе нужно больше денег, тебе нужно больше денег, тебе нужно больше денег», – жужжали у нее в голове, будто звон в ушах.

Но вот реновация завершилась. Бульдозеры, самосвалы и рабочие с отбойными молотками убралась восвояси. Парковка забита каждый день. В кафе на месте кондитерской яблоку негде упасть. Парикмахеры снова сошлись, и книга записи у них заполнена на шесть недель вперед.

– Сейчас или никогда, – сказал ее бухгалтер. – Следующий квартал будет решающим.

Он напомнил ей отца. *Выложись на корте до конца, Бруки.* Вот только в отличие от отца он не завел себе привычки брать ее за плечи и заглядывать в глаза.

Бруки не могла допустить, чтобы ее бизнес потерпел крах одновременно с браком. Это было бы слишком глубоким провалом для одного человека.

Она «выкладывалась на корте». Отдавалась целиком. Превосходила саму себя. Писала статьи в местную газету, разбрасывала листовки по почтовым ящикам, изучала гугл-аналитику, завязывала контакты со всеми врачами, с кем только смогла, обращалась ко всем знакомым, взывала даже к Богу, Бога ради.

– Если ничего не получится, дверь всегда открыта, – сказал ей ее прежний босс, когда она положила ему на стол заявление.

Новые клиники схлопывались одна за другой. Двое друзей Бруки были вынуждены закрыть магазин из-за необходимости сократить убытки: один делал это с радостью, а другой – сокрушаясь.

Бруки взялась за ручку двери. *Выходи. Закажи себе кофе.*

Она открыла дверь, и запиликал телефон. В это время дня звонок должен быть по работе. Друзья и родственники не тревожили ее раньше девяти.

Бруки ответила, одновременно замечая имя на экране: «Эми». Слишком поздно.

– Привет, – сказала она сестре. – Я не могу говорить.

Когда-то у Бруки был парень, который по тону ее голоса определял, с кем из родных она говорит. «Эми, – произнес бы он сейчас одними губами, если бы слышал ее. – Когда это Эми, ты говоришь напыщенно и устало, как директор школы».

– Все в порядке? – Бруки попыталась не говорить как директор школы.

Проблема состояла в том, что она вовсе не чувствовала себя директрисой, говоря с Эми, скорее младшим ребенком в семье, который всегда выполняет просьбы старшей сестры, потому что та почитаемый и обожаемый босс и все они привыкли подчиняться ей, даже мальчики. В детстве, когда Эми лучше всех придумывала идеи для игр и находила лазейки, чтобы не выполнять установленные родителями правила, это было нормально, но теперь они взрослые, по крайней мере Бруки, и она не собиралась следовать наставлениям человека с неустойчивым психическим здоровьем, у которого нет ни работы, ни водительских прав, ни постоянного адреса. И тем не менее при звуках голоса Эми в Бруки невольно срабатывал рефлекс, непривольный и легко узнаваемый, сродни коленному: порадовать свою старшую сестру и произвести на нее впечатление, а в результате безуспешных попыток устоять перед этим рефлексом и скрыть его она начинала говорить как директор школы.

– Тогда почему ты отвечаешь? Если занята? – Эми как будто запыхалась.

– Я случайно ответила. – Бруки прислонилась к двери машины. – Ты за автобусом бежишь или что?

– Только что бегала.

– Это хорошо. Ты сперва размялась?

Она знала подколенные сухожилия сестры, как свои собственные, потому что, пока училась, практиковалась на телах своих родных и чувствовала себя в некотором смысле хозяйкой их проблем: подколенные сухожилия Эми, колени отца, плечи Логана, икроножные мышцы Троя, зажимы в пояснице у матери.

– Конечно, – ответила Эми.

– Врунья! – Бруки направилась к кафе с телефоном у уха, сознавая, что испытывает иррациональное чувство соперничества, поскольку Эми совершила пробежку, а она, Бруки, в эти выходные из-за мигрени не делала никаких упражнений.

Экая бессмыслица! Бруки была моложе Эми и находилась в лучшей форме. И все же стоило ей узнать, что сестра бегала, как она сама ощутила дикое желание тоже пробежаться: дольше и быстрее.

– Как ты? – спросила Эми.

Бруки услышала крик чайки. Сестра бегала по пляжу. Черт бы ее побрал! Все как всегда. Бруки на пригородной парковке, тревожится из-за нехватки денег, а Эми бегаёт по пляжу и, вероятно, собирается съесть на завтрак яйца Бенедикт.

– Хорошо, – ответила Бруки. – Ну не великолепно. У меня была мигрень на выходных.

Из кафе вышла женщина с картонным подносиком, на котором стояли стаканчики кофе. Она неуклюже приподняла его, приветствуя Бруки, и та махнула ей в ответ. *Боль в правом бедре.* Бруки придирчиво глянула вслед женщине, оценивая ее походку, которая, к несчастью, оказалась безупречной. Пациенты, аккуратно выполнявшие упражнения, поправлялись и больше не нуждались в ее услугах.

– Сочувствую, – сказала Эми. – Грант позаботился о тебе?

– Его не было. Уехал с палаткой. Голубые горы. С какими-то старыми друзьями из... да просто со старыми друзьями. – Она заставила себя остановиться. Очевидно, когда лжешь, весь фокус в том, чтобы не выдавать слишком много ненужных деталей.

– О нет! Надо было позвонить мне. Я бы принесла тебе супа! У меня под боком китайский ресторан, где продают навывнос самый лучший куриный суп с кукурузой, ты такого не пробовала!

– Да ладно. Я справилась. Ну так что случилось? – Бруки вставила ключ в замок на стеклянной двери.

Вид логотипа своей клиники вызвал у нее смешанное чувство удовольствия, гордости и страха. Это были две фигурки из палочек – мужская и женская, которые держали над головами, как транспарант, табличку: «Физиотерапия Делэйни». Логотип придумала подружка Логана Индира, графический дизайнер, и Бруки он понравился. Она представила, как кто-то отскребает картинку с двери, оптимистично рассчитывая заменить ее новехоньким логотипом своей фирмы.

– Прости, – сказала Эми. – Я не отниму много времени. У тебя сегодня есть пациенты?

– Да, – коротко ответила Бруки.

Она никогда не призналась бы Эми в своих страхах за клинику. Их отношения строились не на этом. Старшая сестра нужна была ей для того, чтобы демонстрировать, как живут взрослые люди, и Эми всегда вознаграждала ее усилия, подпадая под впечатление, хотя в ее восторгах чувствовалась некая отрешенность, словно совершенно нормальный жизненный выбор Бруки – получить диплом, выйти замуж, купить дом – для нее самой был просто невозможен.

– Хорошо, это просто здорово. Слушай, я только что узнала о...

Бруки оборвала ее:

– О планах Гарри вернуться? Да, я тоже только что услышала эту новость. Полагаю, мама и папа знают, хотя странно, что они ничего не сказали. Не думаю, что у него хватит подвижности...

– Нет, я говорю не о Гарри. А о девушке.

Бруки помолчала. *Какая девушка? Кто-то из бывших учениц?*

– Я ночью уснуть не могла, все думала... – продолжила Эми. Она произнесла эти слова раздражающе певучим голосом, который сигнализировал, что она вот-вот расплачется, закричит или еще как-нибудь взбрыкнет. – Ты не встречалась с ней? Я не знаю, просто это вызывает у меня какое-то странное чувство, а ты что думаешь? Вся эта ситуация такая... неожиданная, тебе не кажется?

Слушая сестру, Бруки включила свет. В приемной стояли стойка администратора и пустой стол, ожидавшие, когда она сможет позволить себе нанять офис-менеджера. Стены были выкрашены в бодрящий, но спокойный цвет «морской бриз». Бруки потратила много часов на выбор между «морским бризом» и «глубоким океанским синим», как будто правильный цвет стен мог повлиять на количество проходящих к ней пациентов. Часть стены во всю высоту занимали зеркала, чтобы клиенты могли следить за положением рук и ног, выполняя упражнения, ну и фигуру оценивать, конечно, хотя в результате ей самой пришлось постоянно любоваться на свое отражение. Когда приходили пациенты, это не имело значения, а вот когда она оставалась одна, видеть свое лицо для нее было мучением. Новое оборудование, взятое в аренду, стояло наготове и тоже ждало, к тому же стоило ей денег: велосипед-тренажер, три медицинских мяча, гантели, резиновые ленты. Помещение украшали плакаты в рамках с изображениями спортсменов в момент тяжким трудом достигнутых триумфов: на коленях, прижавшихся лбом к полу, целующих золотые медали. Картинка с теннисистом была всего одна, к тому же единственная, на которой никто не торжествовал, – черно-белый снимок Мартины Навратиловой, растянувшейся в прыжке для удара слева на Уимблдоне: лицо перекошенное, волосы, короткие спереди и длинные сзади, разметались вокруг головной повязки.

Если бы Бруки не повесила здесь теннисиста, это выглядело бы странно, словно она хотела таким образом что-то сказать, и родители не оставили бы это без внимания, придя посмотреть ее медицинский кабинет. «Старушка Мартина», – увидев фотографию, любовно проговорил отец, будто они с ней старые приятели.

– А вдруг этот ее парень явится к ним в дом? – продолжила Эми. – И ситуация выйдет из-под контроля?

– Я потеряла нить, – сказала Бруки.

Мысли ее блуждали. Кажется, она упустила важную часть разговора.

– Что, если у него есть оружие?

– Что, если у кого есть оружие?

– У агрессивного бойфренда!

– Эми, я понятия не имею, о чем ты говоришь.

Наступила тишина. Бруки села за стол в приемной и включила компьютер.

– Правда? – удивилась Эми. – Ты не в курсе? Я-то думала, ты уж наверняка знаешь.

Компьютер зажужжал и ожил. Бруки вынула блокнот из ящика стола и постучала ручкой по верхней странице.

– Знаю – что? – подтолкнула она сестру. – У меня скоро пациент. – Она взглянула на записи, появившиеся на экране компьютера. – Сорок восемь лет. Думает, что у нее воспаление локтевого сустава, как у теннисистов. Помнишь, как Logan решил, что у него такая болезнь, и отец... – Она замолчала.

Иногда, стоило ей извлечь из памяти какое-нибудь смешное воспоминание об их общем детстве, как оказывалось, что оно не такое уж веселое.

– Бруки, я говорю о маме с папой и их странной... ночной гостье.

Достав из ящика планшет с новой анкетой для пациентов, Бруки сказала:

– Значит, у них кто-то живет? В твоей старой комнате? Это проблема?

Время от времени Эми возвращалась пожить в родительский дом, когда что-то не ладилось с новой работой, новыми курсами или очередным парнем.

– Полагаю, скорее всего, она живет в моей комнате, – медленно проговорила Эми, и в ее голосе слышалась обиженная и слегка агрессивная нотка. – Но это ничего. У меня есть свой дом, Бруки. Я живу здесь уже почти шесть месяцев.

– Знаю, – сказала Бруки.

С кем-нибудь в доле.

– И у меня есть работа. На прошлой неделе я провела там больше сорока часов.

– Вау! – удивилась Бруки, стараясь не допустить снисходительного оттенка в своем восклицании. Эми и правда продержалась целую рабочую неделю? Дайте девочке приз. – Прости. Я немного отвлеклась на клинику.

И пробную жизнь порознь.

Где теперь работает Эми? В супермаркете? Или погодите, в кинотеатре? Нет. Она же вроде была дегустатором еды? Верно. Они в подробностях слышали про собеседование. «Это было как экзамен, – сказала Эми. – Очень напряженно». Ей пришлось расставить десять стаканчиков с жидкостью в порядке увеличения степени солености, затем десять других стаканчиков – в порядке повышения сладости. Ей давали маленькие чашечки с комочками ваты внутри, и она должна была определить, чем они пахнут. Эми правильно идентифицировала базилик и мяту, но не петрушку. Разве у петрушки есть аромат? Последним заданием было составить короткий текст с описанием яблок для человека, который никогда их не пробовал.

«Едва ли я способна описать яблоко», – не задумываясь, проговорила Бруки. Тогда ее мать всплеснула руками и счастливо воскликнула: «Ну, Бруки, в таком случае ты не получила бы эту работу!»

И Бруки, которая четыре года училась и два работала в клинике, чтобы стать физиотерапевтом, вдруг почувствовала себя никуда не годной, потому что *не могла описать яблоко*.

– Ты и правда ничего не слышала об этой девушке, которая живет у мамы с папой?

– Не-а, – ответила Бруки. – Кто она?

В ее голос прорвалась напыщенность школьной директрисы, потому что, ради бога, что это за драма! Почему гость в доме вызывает такой переполох? У родителей широкий круг знакомых. Может быть, это какая-то старая ученица. Многие из них поддерживали связь со своими бывшими тренерами. В детстве братья и сестры Делэйни испытывали сложные чувства по отношению к ученикам теннисной школы – те были другими детьми их родителей, с лучшими манерами, лучшими ударами слева, лучшим отношением к делу. Но теперь они выросли, поздно для детской ревности. Хотя для Эми это обычное дело – поднимать шум из ничего.

– Ее зовут Саванна, – мрачно произнесла Эми.

– Хорошо, – рассеянно отозвалась Бруки. – Саванна из наших?

– Она никто, Бруки! Просто какая-то случайная девица, которая объявилась у них на пороге.

Бруки опустила руки на клавиатуру:

– Так они ее не знают?

– Она чужая.

Бруки отъехала на стуле от компьютера. Воспоминание о мигрени на выходных расцвело у нее во лбу.

– Я не понимаю.

– Поздно вечером в прошлый вторник незнакомая женщина постучалась в дверь наших родителей.

– Поздно? Во сколько? Мама и папа уже спали?

Бруки представила, как они просыпаются, тянутся к тумбочкам за очками. Мать – в своей огромной пижаме, рукава рубашки спускаются ниже запястий; отец – в боксерах и чистой белой футболке. Он вел себя как тридцатилетний мужчина, но его пораженные артритом колени выглядели ужасно. «Мы до сих пор побеждаем на турнирах», – говорила мама, похлопывая ее по руке. Это правда. Ее родители до сих пор побеждали, несмотря на то что после очередной операции на колене хирург сказал отцу: «Переходите на бег только в том случае, если от этого будет зависеть ваша жизнь». – «Ясно, – ответил Стэн, – никакого бега», – и показал хирургу большой палец сжатой в кулак руки. Бруки сама это видела. Три месяца спустя ее идиотский, непостижимый отец снова был на корте. Как солдат на службе. Бегал во спасение собственной жизни.

– Не знаю, были ли они в постели, – сказала Эми. – Они теперь поздно ложатся. Знаю только, что она постучалась в дверь, они впустили ее и позволили остаться на ночь.

– Но... почему они это сделали? – Бруки встала из-за стола.

– Ну, думаю, потому что она была ранена. Маме нужно было перевязать бедняжку. Это ее дружок постарался. Мама называет ее жертвой домашнего насилия и слова эти произносит с таким, знаешь, взволнованным придыханием. – Эми помолчала, а когда снова заговорила, рот у нее явно был чем-то набит. – Не могу поверить, что ты до сих пор не в курсе.

Бруки тоже не могла. Мать звонила ей часто, и всегда по самым ничтожным поводам. В начале прошлой недели она набирала ее номер три раза за один день: первый – чтобы сообщить о чем-то услышанном в подкасте про мигрень; второй – чтобы внести коррективы в свое сообщение, так как нашла листочек, на котором записала, что там говорили; и третий – что расцвел цикламен, который Бруки подарила ей на День матери. Цикламен подарила Эми, но Бруки не стала поправлять мать, раз она приписала это ей.

– Что ты ешь? – раздраженно спросила Бруки.

– Завтрак. Апельсиновый маффин с маком. Вкус цитрусовый. Но мака маловато.

Бруки снова села и попыталась осмыслить услышанное. Ее родители – умные люди. Они не пустили бы в свой дом сомнительного или опасного человека. Старость еще только подступала к ним, у обоих пока не было признаков деменции или спутанности сознания, только больные колени и несварение желудка, да иногда бессонница, наверно. После продажи теннисной школы оба они выглядели немного ошарашенными и потерянными. «Дни такие длинные, – со вздохом говорила мать Бруки. – А раньше были совсем короткими. Да что там! Может, встретимся, выпьем кофе? Я плачу!»

Но у Бруки дни были все еще короткие, и у нее не хватало времени на кофе.

– Полагаю, мама и папа хорошо разбираются в людях, – начала она.

– Ты шутишь? – перебила Эми. – Хорошо разбираются в людях? Перечислишь тебе всех маленьких хитрых врунов, которые их одурачивали? Начиная с гребаного Гарри Хаддада, разбившего хрупкое сердце бедного папы?

– Ладно-ладно, – торопливо проговорила Бруки. – Так они отвели ее в полицию?

– Она не хотела подавать заявление, – сказала Эми с полным ртом. – И идти ей было некуда, так что они оставили ее у себя, пока она не обретет почву под ногами.

– Но разве она не могла пойти... я не знаю, в приют для женщин или еще куда-нибудь? – Бруки взяла ручку и стала грызть кончик. – Понимаю, звучит некрасиво, но это ее проблемы. Есть разные места, куда она могла бы обратиться за помощью.

– Думаю, мама с папой просто захотели помочь.

В Эми проснулся филантроп. Бруки почувствовала, как сестра быстро меняет позицию. Эми всегда лучше всех в их семье работала ногами. Теперь она так же ловко менялась ролями. Пусть Бруки побудет напуганной и обеспокоенной, а Эми может разыграть из себя сердобольную радательницу о помощи бездомным – роль, подходившую ей гораздо лучше.

– Ты говоришь, она пришла вечером во вторник? – уточнила Бруки. – Значит, эта девушка живет у них уже почти целую неделю?

– Ага, – подтвердила Эми.

– Я сейчас же позвоню маме.

Может, Эми все поняла неправильно?

– Она не ответит, – сказала та. – Повела Саванну к Нарель.

– Нарель?

– Мамина парикмахерша, к которой она ходит уже лет тридцать. Бруки, очнись! Нарель, у которой близнецы и аллергия, обернувшаяся раком, или наоборот, я не помню, но сейчас она в порядке. У Нарель есть свое мнение о каждом из нас. Она считает, что Логану и Индире нужно завести ребенка. А тебе не помешает давать объявления в местной газете. Трой, как ей кажется, должен пойти на свидание с ее разведенной сестрой. О, и она думает, что у меня биполярное расстройство. Мама даже начала слушать подкаст «Жизнь с биполярным расстройством».

Эми затараторила, и ее голос приобрел странные маниакальные нотки. В таких случаях Бруки приходило в голову: может, у ее сестры и правда то самое, что еще называют маниакальным психозом? Эми делала это намеренно. Ей нравилось, когда люди принимали ее за сумасшедшую и начинали нервничать. Это была своеобразная тактика запугивания.

– Ах да, конечно! Нарель. Ну ладно, тогда я позвоню папе.

– Его тоже нет дома. Он смотрит машины. Для Саванны.

– Папа покупает этой девице машину?

– Не уверена на сто процентов, – сказала Эми, – но ты ведь знаешь, как он любит поучаствовать, когда кому-то нужна новая машина.

– Офигеть! – воскликнула Бруки. Колпачок соскользнул с ручки прямо ей в рот. Она выплюнула его в ладонь. – А ребята знают?

– Едва ли, – ответила Эми.

– Ты не звонила Трюю?

Эми и Трой из них четверых были наиболее близки. Бруки не сомневалась, что ему Эми позвонила прежде всего.

– Я послала ему эсэмэску, – ответила сестра. – Но он не ответил. Ты же знаешь, он сегодня летит домой из Нью-Йорка.

Бруки не успевала следить за гламурной международной жизнью Троя.

– Кажется, знаю.

– А Логан никогда не берет трубку. Думаю, у него какая-то фобия. Или это относится только к нам. С друзьями-то он разговаривает.

Бруки вынула изо рта ручку. Она грызла ее и грызла, машинально, не замечая этого, и теперь во рту у нее было горько от чернил.

Эми позвонила ей последней.

– Ну ладно, мне нужно идти, – вдруг сказала она, будто это Бруки встряла со своей болтовней в ее жесткое дневное расписание, будто ей пора рулить делами крупной корпорации, а не сидеть на пляже и уплетать маффин. – Звякни мне попозже.

Последнее указание было дано строгим тоном старшей сестры, типа «делай, как я сказала», и подразумевало: «Позвони мне и подтверди, что ты с этим разобралась».

Бруки посмотрела на себя в зеркальную стену и увидела, что хмурая складка у нее на лбу залегла глубже, чем обычно, а губы приобрели оттенок «глубокого океанского синего».

Глава 9

Сейчас

– Так ты видел эти царапины?

Водитель такси, студент, будущий инженер-электрик, посмотрел в зеркало заднего вида, решив, что пассажирка (ее звали Эми; он имел предубеждение против этого имени, так как недолгое время встречался со страшной стервой Эми) обращается к нему, а у него в машине на сиденьях и правда были разные «отметки времени» (тебе-то что, Эми), но увидел, что женщина болтает по телефону, а вовсе не с ним. Очевидно, она сразу включилась в разговор, даже не бросив ему: «Привет!»

– Царапины у папы на лице, – сказала она. – Он говорит, что поранился, когда пролезал через живую изгородь из лилли пилли², чтобы спасти теннисный мяч.

Пауза.

Таксист вполуха слушал, думая о завтрашнем экзамене и вечернем свидании с Тиндер.

– Просто, по словам Троя, полиция сделает вывод, что это повреждения, полученные при защите.

Это может быть интересно. Женщина ехала в ближайший полицейский участок.

– А Бруки вдруг решительно воспротивилась тому, чтобы мы подавали заявление о пропаже человека.

Пауза.

– Так ведь папа сказал ей, что ни к чему заявлять об исчезновении. Ты же знаешь Бруки – она папина дочка.

Водитель заметил на губах пассажирки слабую улыбку. Женщина была в шортах, ноги как у супермодели, крашенные-перекрашенные волосы, куча дырок в ухе, и пляжный дух каким-то образом сочетался в ней с городским. Она была немолода, может, лет под сорок, но он не отказался бы.

– Да, думаю, мы проигнорируем отца и все-таки заявим о ее пропаже, на всякий случай. Прошло уже больше недели, так что... – сказала пассажирка. – У меня есть хорошее фото мамы. Я его распечатала. Это одно из тех, которые сняли в тот день, помнишь, когда они с папой попытались изобразить из себя счастливых пенсионеров, резвящихся на солнышке? Да бог с ним, слушай, мы скажем им про Саванну, а? Ну, может быть, не все подробности.

Пауза.

– Ах да, я буду нормальной, потому что я в норме.

Пауза.

– Нет. Не обиделась, Логан, я никогда не обижаюсь. Увидимся на месте.

Она отключила мобильный и встретила взглядом с водителем через зеркало заднего вида, они остановились у светофора.

– Моя мать пропала, – живо проговорила пассажирка.

– Жуть, – сказал таксист.

– О, я уверена, с ней все в порядке, – прочирикала пассажирка, потом отвернулась к окну и тихо произнесла себе под нос: – С ней все в полном порядке.

² *Лилли пилли* – просторечное название вечнозеленого, обильно плодоносящего растения из семейства миртовых.

Глава 10

Джой Делэйни. Шестьдесят девять лет. Последний контакт был семь дней назад, когда она прислала непонятное сообщение со словами, что будет «вне Сети». Телефон с собой не взяла, – зачитала из блокнота детектив старший констебль Кристина Хури, пока констебль Этан Лим вез их пообщаться с мужем пропавшей женщины.

Полное звание Лима было констебль в штатском, и ему полагалось выглядеть неприметным, однако его костюм неприметным никак не назовешь. Сегодня на нем была темно-красная рубашка, кажется шелковая. *Неужели и правда шелк?* Ботинки начищены до рояльного блеска. Кристина задвинула свои с глаз долой – чистка им не помешала бы – и сказала:

– Телефон уборщица нашла под кроватью.

– Полагаю, если человек собирается быть «вне Сети», он не берет с собой телефон? – услышала она ответ Этана, старавшегося замаскировать вопросительную интонацию.

Кристина была назначена к констеблю Лиму детективом всего неделю назад и пока не нашла верного ритма рабочих отношений с ним. Он, казалось, нервничал в ее присутствии, и она никак не могла решить, смириться с этим – и держать ребенка ходящим на цыпочках! – или как-то помочь ему расслабиться.

Кристине не слишком хорошо удавалось расслаблять людей. Всю жизнь ей твердили, что она мало улыбается, и пустая болтовня всегда была ей в тягость. Нико, ее жених, взял на себя все необязательные словесные контакты, которые требовались от них как от пары: поддерживал беседу с разговорчивыми таксистами и болтливыми тетушками, – ему это ничего не стоило. Кристина иногда беспокоилась, что мало вносит в общий котел. «Отношения – это не счет, который можно разделить пополам», – говорил ей Нико. Он ошибался. Они именно таковы. И она проследит за этим.

Когда Кристина находилась в должности Этана, детектив, под началом которого она работала, применял авункулярный подход, то есть обращался с ней как добродушный дядюшка, и ни у кого не возникало сомнений, в каких они отношениях.

«Помнишь свою азбуку?» – спрашивал он так часто, что это начинало раздражать.

«Автоматически ничего не принимать. Без оглядки ничему не верить. Все проверять», – отвечала она.

Но Кристина не могла разыгрывать авункулярность. *А есть вообще женский вариант этого слова?* «Просто будь собой, – говорил ей Нико. – Этот парень хочет поучиться у тебя». У Нико никогда не возникало проблем с тем, чтобы быть кем-то еще, кроме Нико.

– Двое взрослых детей Джой вчера заявили о ее исчезновении, – продолжила Кристина. – Полицейский опрашивал мужа пропавшей женщины и заметил у него на лице царапины.

Этан поморщился.

– Муж проявляет содействие, но мало что говорит. Он подтвердил, что они с женой поругались, когда разговаривали в последний раз. Итого. – Кристина вздохнула; в горле у нее запершило. – Очевидно наличие множества красных флажков.

Она не могла заболеть прямо сейчас. Вдобавок к этому потенциально подозрительному исчезновению человека она разбиралась с уличным нападением, двумя случаями домашнего насилия, вооруженным ограблением автомастерской, несостоявшимся школьником-поджигателем, кражей со взломом и подгонкой свадебного платья.

Примерка платья была намечена на сегодняшний вечер после работы, и, судя по тому, как яростно спорили о линии талии и вырезах четыре ее кузины, не исключен третий случай домашнего насилия. До свадьбы оставалось еще шесть месяцев, но, очевидно, это вообще не срок, по словам ее кузин, которые были большими специалистками по бракосочетаниям. Кристина считала, что хорошо справляется со стрессами, пока ей не пришлось взяться за орга-

низацию свадьбы. «Устрой все по-простому», – советовали ей друзья, не принадлежавшие к крупным ливано-австралийским семействам, а потому не понимавшие, насколько это неправдоподобно.

– Хочешь таблетку от кашля? – спросил Этан.

– Нет, – отозвалась Кристина и прочистила горло. – Нет, спасибо.

Она вытянула и оборвала с рукава форменного пиджака торчащую нитку и тайком проверила, не зияет ли голое тело сквозь просветы между пуговицами, туго стягивавшими рубашку. Размер чашек лифчика не соответствовал ни характеру Кристины, ни ее профессии, но среди женских предков детектива Хури имелось множество невысоких, острых на язык, полногрудых женщин, так что это судьба. Если бы в конце девяностых полицейское начальство не отменило требования к сотрудникам по росту, Крошка Крисси Хури, самая маленькая девочка на всех классных фотографиях за школьные годы, никогда не получила бы эту работу.

На одежде Этана, естественно, никаких торчащих ниток не было. Она явно сшита на заказ. Очевидно, его предки – старые денежные мешки. Мальчик из частной школы. Кристина попыталась не придирается к нему. Ее предки не были ни старыми денежными мешками, ни новыми – в их мешках всегда не хватало денег.

Они остановились на светофоре за внедорожником, к которому сзади было прикреплено три детских велосипеда, номерной знак ответственно оставлен на виду. Эти тенистые зеленые улицы с аккуратно подстриженными лужайками перед каждым домом имели мало общего с районами на западе города, где выросла Кристина, за исключением мертвой летучей мыши, висевшей на проводах у них над головой. И все же она радовалась, что не работает в своем старом районе, как в начале карьеры, когда ей приходилось сажать за решетку знакомых. Первым, кого она арестовала, стал парень, сидевший с ней за одной партой на биологии. «Крошка Крисси Хури берет меня под стражу!» – с пьяной радостью прокричал он, когда на нем защелкнулись браслеты.

– Она взяла с собой что-нибудь? – поинтересовался Этан.

– Кошелек, ключи от дома и больше ничего. Ни дорожной сумки. Ни одежды. Никакой активности ни на ее банковских счетах, ни в соцсетях.

Кристина вынула цветную фотографию Джой Делэйни, принесенную ее родными. Милая хрупкая женщина, выглядит моложе своих шестидесяти девяти, улыбается, стоя на пляже, одной рукой придерживает на голове соломенную шляпу, чтобы не улетела. Снимок человека в шляпе не слишком подходит для целей идентификации. Нужно попросить у родственников другой. А лучше два или три. Здесь Джой в футболке, надетой поверх купального костюма. Футболка белая, на груди – три цветка в ряд: красный, желтый, оранжевый. Герберы. Кристина только недавно начала запоминать названия цветов. Свадебный букет был следующим пунктом в ее списке. Честно говоря, она лучше взялась бы раскрывать убийство, чем выбирать букет невесты.

– С виду милая дама, – сказала Кристина, постукивая снимком по колену.

– Домашнее насилие в прошлом? – спросил Этан.

– Нет, – ответила Кристина.

Они свернули на подъездную дорожку у большого ухоженного семейного дома. Перед ним – серебристый «вольво». Розовые, фиолетовые и белые цветы (теперь Кристина могла определить, что это гортензии) вываливаются с клумб. Серый котенок метнулся через лужайку и исчез за забором. Белый уголок письма высовывался из металлического почтового ящика с номером дома, надписью «ПОЧТА» и двумя гравированными птичками, клюв к клюву, будто целуются. Это был район домашних питомцев и оросительных установок, выплаченных ипотечных кредитов и голосов с красивой модуляцией.

– Но отсутствие заявления...

– Не означает, что этого не было, – закончил фразу Этан.

Он умел слушать. Редкое качество для мальчика из частной школы.

– Помнишь свою азбуку? – неожиданно для самой себя вдруг спросила Кристина, как только Этан отключил двигатель.

– Автоматически ничего не принимать. Без оглядки ничему не верить. Все проверять, – тут же ответил он.

Настроение у Кристины улучшилось. Может, они нашли свой ритм.

Она авункулярно показала ему большой палец, открыла дверцу машины, вышла, одернула пиджак и сильно потянула вниз рубашку.

Где-то вдалеке из фургона с мороженым раздавалась знакомая тренькающая музыка.

Через два часа дом больше не выглядел таким безмятежным. Сине-белая клетчатая полицейская лента свешивалась с почтового ящика и заканчивалась у края забора.

Кристина запросила ордер на проведение следственных действий на месте преступления и опечатала дом сразу после разговора с мистером Стэнли Делэйни.

Опрос не добавил ничего нового к уже известному и в то же время дал все, что ей нужно было знать. Сегодня вечером примерка свадебного платья пройдет без невесты. Телефон Кристины дрожал от яростных сообщений разъяренных кузин. Ей было плевать.

Она копила возмущение ради миссис Джой Делэйни, потому что ее супруг лгал.

Глава 11

Прошлый сентябрь

Было часов десять утра, когда Логан Делэйни, немного превышая скорость, катил по улице, где жили его родители. Он пригнул голову, чтобы не встречаться глазами с дружелюбными соседями, которые мыли машины или выгуливали собак.

Если «вольво» стоит на подъездной дорожке, он, миновав тупик, поедет дальше, так как у него не было настроения в одиночку вести этот разговор с родителями. Логан предпочитал иметь рядом брата или кого-нибудь из сестер, чтобы те приняли на себя часть жара. Быть единственным ребенком в семье – это, наверное, ад.

«Вольво» на дорожке не стоял, поэтому Логан свернул к дому. Вылез из машины и прикрыл глаза от солнца, глядя на водосточные трубы, забитые листьями амбровых деревьев. Он заглянул в винтажный почтовый ящик – подарок Троя, естественно, – вдруг там что-то есть, тогда можно принести это в дом.

На нем были заляпанные краской спортивные штаны, старая футболка и кроссовки. Он не побрился, а небритым был похож на преступника. Волосы торчали на голове хохолками. Мать сказала бы, что он выглядит как бродяга. Он был крупный и плотный мужчина и знал, что ему нужно одеваться поприличнее, так как в вечернее время женщины, заметив, что он идет сзади, иногда переходили на другую сторону улицы. Ему всегда хотелось прокричать им вслед извинения.

– О, именно это тебе и следует делать, Логан, вообще, нужно кидаться за ними с криком: «Я не хотел напугать вас, милая леди!» – сказала однажды его сестра Эми, а потом так громко расхохоталась от своей шутки, что он был просто морально обязан бросить ее в бассейн. В устроенный Троем на крыше пейзажный бассейн.

Мать просила его прочистить водосточные трубы, но в такой манере, будто и не просила вовсе.

– О боже, Логан, видел бы ты эти листья на ветру! Что происходит? Климат меняется? Они просто падают и падают, – говорила она ему по телефону на прошлой неделе.

– Ты хочешь, чтобы я прочистил водостоки? – спросил Логан.

Климат меняется. Мама то и дело бросалась случайными бойкими словечками, чтобы показать детям: она в курсе текущих событий и слушает подкасты.

– Твой отец говорит, что легко с этим справится.

– Я заскочу на следующей неделе, – сказал Логан.

После того как отец отпраздновал семидесятилетие с разорванной связкой и прооперированным коленом, вся семья начала свыкаться с идеей, что Стэн уже «в возрасте». Первой это выражение применила медсестра.

– Люди в возрасте после анестезии могут страдать спутанностью сознания и кратковременной потерей памяти, – сказала она, измеряя давление их спящему отцу, и Логан увидел, как его брат и сестры дернули головой, испытав совместный шок от смены перспектив.

– Это все равно что увидеть Тора в больничном халате, – прошептала Эми.

У отца никогда ничего не болело, кроме коленей, и теперь, когда он лежал на больничной койке, осунувшийся и безучастный ко всему, они как-то разом сникли, хотя он вдруг открыл глаза и очень четко, своим устрашающе низким голосом произнес:

– С памятью у меня все в порядке, дорогая.

Он полностью оправился и снова выигрывал турниры вместе с их матерью, но идея «человека в возрасте» не сдала позиций. *Папе нельзя забираться на лестницы. Ему нужно знать пределы своих возможностей. Пусть следит за питанием.* Логан не был уверен, но, может, они слишком забегали вперед? Или им это нравилось? Заставило наконец ощущать себя взрос-

лыми, которые беспокоятся за своего вошедшего «в возраст» родителя, которому на самом деле их заботы пока еще не нужны. Может, в этом даже проскальзывало удовлетворение: Тор наконец пошатнулся. Хотя Логан не удивился бы, если бы отец и теперь одолел его в борьбе на руках, а в том, что победа на корте останется за Стэном, и вовсе не сомневался. Отец знал его сильные и слабые стороны, знал его стратегии. Логан был бессилён против этого знания. Снова десятилетний мальчик: ладони потные, сердце стучит. Господи, как же ему хотелось победить отца!

В последний раз они сходились на корте два года назад.

– Иди сразись со своим отцом, – неизменно предлагала мать, когда Логан приезжал к ним, и ему приходилось выдумывать какую-нибудь отговорку.

В его душу заползала гиблая идея, что он, может быть, уже никогда ни с кем не сыграет. Это ощущалось как предательство, но кому какое дело, кто вообще это заметит?

Мать точно заметит.

После того как отец перенес операцию, Логан начал кое-что делать в семейном доме, выискивая момент, чтобы это сошло ему с рук и отец не разозлился. Логан проникал в дом незаметно, как ниндзя. Менял лампочку то здесь, то там. Брал цепную пилу и подстригал живую изгородь вокруг теннисного корта.

Логан не мог разобраться, как относится к его подпольной деятельности отец.

– Не нужно тебе заниматься этим, приятель, – сказал он в последний раз, застав сына в момент, когда тот менял лампу в одном из прожекторов на корте, похлопал его по плечу и добавил: – Я пока еще не умер.

В тот день Логан мучился похмельем, и отец действительно выглядел гораздо здоровее его: краснощекий и ясноглазый, вот сейчас еще один кубок за победу в парном разряде окажется на буфете.

Позже в тот же день отец поинтересовался, как у него дела на работе, какие «карьерные планы»? И Логан, не имевший каких-то определенных карьерных планов, кроме одного – не потерять работу, почувствовал, что, как в детстве, извивается ужом на сковородке. Казалось, отец всегда наблюдает за его жизнью, как раньше наблюдал за игрой в теннис. Логан ощущал его желание подзвать сына к сетке, указать на слабые места, объяснить, где именно он допустил ошибку и как ее исправить, но жизненный выбор Логана Стэн никогда не критиковал, лишь задавал вопросы и глядел разочарованно, получая ответы.

Громко хлопнула дверь машины, звук разнесся на всю улицу. Логан слышал треск сорок и саркастическое карканье ворон, угнездившихся в зарослях позади родительского теннисного корта. Эти звуки напомнили ему ритм разговоров отца с матерью. Быстрое щебетание матери и редкие невозмутимые ответы отца.

Логан не вошел в дом, а сразу направился к сараю – взять лестницу. Прошел вдоль стены, мимо водостока, где все они стояли когда-то и отрабатывали подбрасывание мяча. По сто раз кряду, день за днем, пока не добились того, что мяч у них летел прямо вверх, как по линейке.

Он подумал: интересно, где сейчас родители? И сколько у него времени до их возвращения? И рассердится отец или обрадуется, увидев, что его обычная домашняя работа выполнена?

Трой хотел нанять людей в помощь родителям. Садовника. Уборщицу. Домработницу.

– Что... целую команду слуг? – удивилась Эми. – Мама и папа будут звонить в колокольчик, как владетельные лорд и леди?

– Я возьму расходы на себя, – сказал Трой с тем особенным выражением на лице, которое появлялось у него всегда при упоминании денег: таинственным, стыдливым и гордым.

Никто из них толком не понимал, чем занят Трой, но было ясно, что он взобрался на какой-то немыслимый уровень благосостояния, куда можно было попасть, только очень упорно занимаясь теннисом. Однако Трой каким-то образом умудрился найти другой путь к тому,

чтобы развезать на фантастической тачке и жить как в сказке. Теперь он играл в теннис светски, с банкирами и адвокатами, и без надрыва – так, словно был учеником частной школы, который брал индивидуальные уроки у Делэйни не потому, что талантлив или любит спорт, а потому, что это полезный жизненный навык.

Отец ни разу не спрашивал Троя о его карьерных планах.

Логан открыл сарай и нашел там ведро, перчатки и лестницу. Все на своих местах. По словам его приятеля Дэвида, первые, надрывающие сердце признаки болезни Альцгеймера он заметил у своего отца, когда тот перестал класть на место инструменты, но сарай Стэна выглядел безупречным, как анатомический театр.

Даже маленькое окошко искрилось, за ним, сбоку от теннисного корта, рос японский клен, начинавший пробуждаться к весне. Осенью листья его становились золотисто-красными. Логан увидел себя, как он ребенком роется в мягком хрустящем ковре из листьев в поисках ускользнувшего теннисного мяча, потому что мячи стоят денег. Он увидел себя мчащимся мимо этого дерева в тот день, когда впервые проиграл Трою, а отец велел ему смотреть, как Гарри Хаддад демонстрирует крученую подачу, которая Логану пока не удавалась, и, может быть, в глубине души он понимал, что никогда с ней не справится: у него просто отсутствовало это инстинктивное понимание, где должен быть мяч. Он так вымотался в тот день, что отшвырнул ракетку, возвращаясь в дом, и едва не оттолкнул какую-то бедную девчонку, ожидавшую своего урока, ей пришлось даже с испуганным писком отскочить в сторону.

В тот день Логан понял, что его младший брат может быть лучше его и, главное, что Гарри Хаддад – талант и обладает каким-то крайне важным и удивительным качеством, которого не хватало всем детям Делэйни.

Логан решительно отвернулся от этих воспоминаний и посмотрел на отцовский верстак, содержавшийся в безупречном порядке.

Зря Трой думал, что они могут нанять кого-то за деньги для выполнения домашней работы, которой отец всегда занимался сам, – это просто глупость. Стэн считает наем прислуги унизительным, экстравагантным и недостойным мужчины. Однажды Логан сидел в машине с отцом, когда они проезжали мимо человека в костюме, который стоял на обочине и небрежно листал странички в своем мобильнике, пока парень из службы помощи на дорогах, стоя на коленях, менял колесо у его «мерседеса». Стэна так возмутила эта сцена, что он открыл окно и заорал:

– Меняй сам свои колеса, ссыкун гребаный! – Потом он поднял стекло, робко улыбнулся и сказал Логану: – Не говори маме.

Логан ни за что не позволил бы другому мужчине менять для него шины, но Трой – черт его побери! – позволил бы, и с удовольствием. Он бы дружелюбно болтал с этим парнем, пока тот занят делом. В последний раз, когда они собрались все вместе на день рождения Эми, кто-то спросил Троя, чем он занимался сегодня, и тот ответил без стыда или стеснения:

– Делал педикюр.

Оказалось, ко всеобщему удивлению, что этот парень регулярно делает педикюр.

– О дорогой, я бы подстригла твои ногти бесплатно, сэкономила бы тебе деньги! – воскликнула мать, как будто Трою нужно было экономить деньги, после чего все разом и без оснований на то про себя ужаснулись, представив мать стригущей Трою ногти на ногах, как будто тот на самом деле попросил ее об этом.

Трой был единственным из Делэйни, кто когда-либо делал педикюр. Отец, скорее, допустил бы, чтобы ему иголок в глаза понатыкали. Джой боялась щекотки. Эми считала педикюр слишком аристократической процедурой, а Бруки говорила, что так можно подцепить кожную инфекцию.

Троя все это не волновало. Он был сам себе хозяин.

Никто не назвал бы Троя пассивным, хотя именно он пассивно позволял чужому человеку полировать себе ногти на ногах, как хренов император.

– Ты даже не попытался остановить меня, – упрекнула Логана Индира, позвонив из аэропорта.

– Я думал, ты этого хотела, – ответил Логан.

Она сказала, «что больше так не может». Как? Это осталось для него загадкой.

– Но чего ты хочешь, Логан? Ты такой, блин... пассивный! – Говоря это, она плакала, горько-горько, а он страшно перепугался, не понимая, что вообще происходит. Это ведь она разрывала отношения, не он.

Потом Индира повесила трубку, и слово «пассивный» стало последним, сказанным ею, оно эхом повторялось в голове у Логана, пока он не заикнулся на нем, рассматривая его и то, что могло за ним скрываться, под всеми возможными углами. Он даже заглянул в словарь и прочел определение, а теперь уже знал его наизусть и временами бормотал себе под нос: «Принимающий или допускающий происходящее с ним или то, что делают другие, без активного отклика или противоборства».

А что плохого в приятии и допущении происходящего или поступков других людей? Разве это не по-дзенски разумный способ жить? Очевидно, прежний парень Индиры был «доминирующим». Логан не доминировал. Он никогда не мешал Индире делать то, что она хочет, даже уходить от него, если так ей вздумалось, если так ей будет лучше. Он хотел, чтобы она была счастлива.

Но может, Индиру вообще никто не способен сделать счастливой? Он не собирался требовать, чтобы она осталась.

– Ты недостаточно хочешь меня, – сказала она однажды, где-то за неделю до того, как бросила его, и Логан онемел от топота сердца в груди, а потому ничего не ответил, просто смотрел на нее, пока она не ушла с тяжелым вздохом.

– Ты недостаточно хочешь этого, приятель, – сказал ему как-то отец.

Они ехали домой в машине после того, как он впервые проиграл матч треклятому Гарри Хаддаду. Логан помнил, как сидел на переднем сиденье, не говоря ни слова, но твердил про себя: «Ты ошибаешься, папа, ты не прав, ты не прав, ты не прав».

Ему явно не удавалось правильно сообщать о своих желаниях, и тут можно усмотреть иронию, учитывая, что он преподавал навыки общения.

Я слишком сильно этого хотел, папа.

Логан положил перчатки и скребок в ведро, подхватил рукой лестницу. Выйдя из полумрака сарая, заморгал глазами от солнца.

– Доброе утро, – произнес женский голос, и Логан едва не выронил лестницу.

На мгновение ему показалось, что это Индира, как будто, думая о ней, он заставил ее материализоваться, но, разумеется, это была не она.

На задней веранде дома его родителей сидела незнакомая женщина, зажав в руках кружку с чем-то горячим, она дула на свой напиток и поглядывала на Логана.

Ее прямые светлые волосы, обстриженные под острыми углами, висели по бокам худого крысиного лица. Джинсы были такие длинные, что ей пришлось собрать их в складки на икрах почти до высоты коленей. На ногах – угги на два размера больше, чем надо. Они болтались у нее на ногах, как у девочки, обувшей мамины туфли. Спереди на серой толстовке с капюшоном – розовая эмблема.

– Я не хотела вас напугать, – сказала она, поставила кружку на стол и заправила волосы за уши, отчего они стали видны, но две упрямые пряди все-таки вырвались на волю.

– Ты кто? – От испуга Логан стал грубым и резким, как отец.

– Я Саванна. – Девушка сделала неширокий округлый жест рукой, как будто представлялась в компании его друзей, сидевших в пивной.

Логан взгляделся в нее. Маленькое украшение у девушки в носу блеснуло на солнце. Он испытал знакомое детское чувство печали и сразу попытался подавить его. Обычная история: какие-то незнакомые люди с ракетками и в дизайнерской обуви важно расхаживают по двору его дома, словно они здесь хозяева, а ты должен быть вежливым и дружелюбным, ведь они платят. Однажды Бруки поймала одну девчонку, когда та рылась в ее школьной сумке, брошенной на задней веранде, и одновременно уплетала банан, не съеденный сестрой на перемене.

– А ты кто? – подражая его тону и склонив голову набок, спросила девушка.

– Я Логан, – ответил он и приставил лестницу к ноге. – Это дом моих родителей. – Ему не хотелось, чтобы в его голосе прозвучала детская защитная реакция, точно ему нужно доказать: уж он-то имеет гораздо больше прав находиться здесь, чем она.

– Привет, Логан.

Он помолчал.

– Я гощу у твоих родителей, – наконец сказала она.

– Ты их бывшая ученица? – спросил Логан.

– Ты имеешь в виду теннис? – уточнила Саванна. – Нет. Я вообще неспортивная.

Последнее слово она произнесла напыщенно, как будто «спортивность» зарезервирована для напыщенных людей.

– Значит, ты...

– Твои родители поехали забирать новые очки для твоего отца. Бифокальные. Они были готовы еще вчера, но терапевт, к которому записалась твоя мама, опоздал на прием, и потом они застряли в ужасной пробке.

И снова Логан оказался не в состоянии разгадать подтекст. Зачем она все это ему рассказывает в таких подробностях? Передразнивает его мать, которая каждый разговор нагружала мало относящимися к делу деталями? Только детям Джой было дозволено поддразнивать ее этим.

– Ну, приятно познакомиться, – сказал Логан. – Удовлетворюсь этим. – Если эта девица не желает объяснять, кто она и откуда, ему все равно. – Я буду чистить водостоки.

– Валяй, – величественно произнесла Саванна и откинула назад голову, с наслаждением подставив лицо солнцу.

Логан пошел к боковой стороне дома, остановился и посмотрел назад:

– Надолго ты тут останешься?

– Навечно, – ответила девушка, не открывая глаз, а потом улыбнулась.

Логан вздрогнул от удивления, почти как от испуга. *Навечно?*

Саванна открыла глаза и задумчиво посмотрела на него:

– Я пошутила. Имела в виду, что хотела бы остаться здесь навечно. Тут так спокойно. – Она кивнула подбородком на теннисный корт. – Полагаю, из вас всех растили чемпионов по теннису?

– Вообще-то, нет. – Логан прочистил горло.

– Вам повезло иметь корт на заднем дворе.

Логан решил, что своим едким тоном она намекала на деньги. Теперь только у богачей имелись теннисные корты на задних дворах.

– В шестидесятые при каждом доме на этой улице был корт, – сказал он и заметил, что повторяет за своим стариком: только отец сокрушался, мол, исчезновение теннисных кортов в угоду строительству нового квартала престижных домов – это предвестие заката золотой эры Австралии в теннисе. Это означало, что дети простых работяг вроде Стэна больше не будут все свободное время стучать по теннисным мячам, а засядут, сгорбившись, над крошечными экранчиками.

Логана волновало другое: пусть она не смеет думать, будто он из богатой, привилегированной семьи, на том основании, что эту поросшую бушем округу теперь облюбовали богачи и новая аристократия.

Отец Логана вырос в этом доме, и они мало знали о его детстве, за исключением того, что он не был счастлив тогда и много времени проводил сам с собой, отрабатывая подачу на теннисном корте своего отца, деда Логана, устроенном им еще до того, как бабушка Логана вышвырнула его вон. Всякий раз, как она произносила эти слова, Логан представлял себе смешную картинку вроде иллюстрации из детской книжки: дедушка в кресле-качалке с удивленно разинутым ртом, уперев руки в колени, летит по воздуху, но понимал, что история на самом деле вовсе не смешная.

Когда Логану было восемь лет, бабушка переехала к своей старшей сестре, чтобы заботиться о ней, так как та находилась при смерти, однако кончина старушки затянулась, и тогда бабушка продала дом по дешевке родителям Логана. Цена в действительности оказалась высокой, потому что мать Логана чувствовала себя обязанной свекрови и так и не смогла убедить мужа в необходимости выбросить из гостиной старый фиолетовый ковер с цветочками, поскольку это обидело бы бабушку. Даже через много лет после ее смерти.

Когда теннисная школа начала приносить доход, довольно хороший благодаря предпринимательской жилке, обнаружившейся у матери Логана, дом отремонтировали и увеличили. Изначальное грязно-желтое маленькое бунгало времен Федерации превратилось в наполненный светом семейный дом, но фиолетовый ковер остался на месте и служил постоянным поводом для раздоров. Джой отворачивалась, когда пылесосила его. Остальной дом был оформлен в любимом ею стиле «школы искусств и ремесел». Много дерева и меди. «Все равно что жить в доме чертова дровосека», – сказал однажды отец.

– Мы были единственными на улице, кто не устроил вместо теннисного корта бассейн, – сказал Логан Саванне, видевшей только респектабельное настоящее и ничего не знавшей о непростом прошлом.

– Ты предпочел бы бассейн? – спросила она, склонив голову набок.

Было время, когда они все предпочли бы бассейн, особенно пока корт был земляной и они с Троем часами приводили треклятое поле в порядок, поливали, выравнивали и утрамбовывали катками.

– По крайней мере, твои родители выходили за дверь и сразу оказывались на работе, верно? Это, видимо, облегчало жизнь.

Видимо, да, но в результате Теннисная академия Делэйни поглощала их жизнь целиком.

– Конечно, хотя, когда теннисная школа начала развиваться, им пришлось взять в аренду четыре корта и клубный дом за углом. То место, где смайлик в виде теннисного мяча, знаешь? – Логан оборвал сам себя.

Какое ей дело до смайлика в виде теннисного мяча? Ясно же, что эта девушка не бывшая ученица и не член клуба. Но если она никак не связана с теннисом, тогда кто она, черт возьми?!

– Прости, но откуда ты знаешь моих родителей?

Саванна прищурилась, глядя на него так, будто пыталась вспомнить правильный ответ.

– Ты подруга Эми? – предположил Логан.

Наверняка.

– Я ношу ее одежду! – Саванна подняла одну выпрямленную ногу, чтобы продемонстрировать слишком длинные джинсы. – Она намного выше меня.

– У нас все в семье высокие, – сказал Логан.

Он встал на защиту Эми, как будто эта девица насмеялась над ростом его сестры. Вообще-то, Эми была самой маленькой из них.

– Кроме твоей матери. – Несколько волосков прилипли к губе Саванны, и она раздраженно фукнула, чтобы сдуть их. – Мы с твоей мамой почти одного роста. – Она сняла резинку с запястья и одним ловким движением завязала сзади хвост. – Эти волосы меня просто бесят. Такие гладкие и скользкие. Твоя мама отвела меня к своей парикмахерше.

– Выглядит симпатично, – автоматически произнес Логан.

Он был хорошо натренирован. Сестры.

– И стоит уйму денег. Твоя мама заплатила, что было очень мило с ее стороны.

– Ладно, – сказал Логан.

Она что, проверяет его реакцию? Ему-то какое дело, если его матери вздумалось заплатить за чью-то стрижку. Теперь он заметил, что прическа была вполне в стиле Джой, будто ее парикмахерша работала по шаблону.

– У тебя выходной? – спросила Саванна.

– Свободное расписание, – ответил Логан.

– Наркодилер?

Он терпеливо улыбнулся:

– Я преподаю в местном колледже.

– Что ты преподаешь?

– Деловые коммуникации. – Он подождал неизбежной реакции.

Саванна вскинула брови:

– Я бы предположила, что ты обучаешь... не знаю, какой-нибудь профессии – покраске домов, например.

Логан посмотрел на свои штаны. Желтые брызги попали на них, когда они вместе с Индирой перекрашивали кухню в солнечный цвет, который в итоге не понравился им обоим. Синие пятна появились, когда он помогал Бруки в ее клинике. Откуда взялись зеленые, он не помнил. Вообще, пару лет он занимался покраской домов, после того как бросил теннис. Потом штукатурил. Потом крыл крыши черепицей.

«Не подумать ли тебе о карьере в строительстве?» – с надеждой спрашивал отец, пытаясь сложить все эти разрозненные занятия в нечто более существенное. Он не возражал бы против того, что Логан всю жизнь посвятит покраске домов, но не мог смириться с тем, что тот горбится на чужого дядю. Самозанятость – вот надежный способ произвести впечатление на отца.

«А как насчет диплома, дорогой?» – говорила мать. Ни у нее, ни у отца не было высшего образования. Слово «диплом» она произносила с таким смиренным почтением, что у Логана надрывалось сердце.

Когда ему было семнадцать, он отказался от теннисной стипендии на обучение в одном американском университете и часто задумывался, почему поступил так? Оттого ли, что отец не рассматривал американскую стипендию как верный путь к успеху в спорте? «Если хочешь добиться высот в теннисе, сфокусируйся на теннисе, а не на учебе». Или то был страх? Легкая социальная нервозность? Он был неуклюжим подростком и, помнится, думал тогда, что в нем слишком мало энтузиазма для Америки. Говорил он медленно. Настоящий австралиец. И был слишком похож на отца.

В конце концов Логан заочно получил диплом по коммуникациям. Бог знает зачем он это сделал. Но диплома хватило, чтобы устроиться на работу и обучать навыкам деловых коммуникаций, что его устраивало. Сам предмет был ему не особенно интересен, но преподавать Логану нравилось. Он был доволен. Стабильная работа с хорошим расписанием. Он вообще считал, что может заниматься этим вечно.

– Тебе нравится выбранная профессия? – поинтересовалась Саванна.

Она что, смеется надо мной? И намеренно уклоняется от ответа на вопрос, откуда знает родителей? Или просто отвлеклась?

Логан решил, что не доставит ей удовольствия повторением вопроса.

– Конечно. Как бы там ни было, лучше с этим смириться.

– Тебе нужна помощь? – Она грохнула кружку на кафельную столешницу, и Логан поморщился, потому что это была любимая кружка матери с надписью: «Нет места лучше дома, кроме бабушкиного!»

– Осторожнее с кружкой. Мама ее очень любит.

Саванна подняла ее с наигранной осторожностью и поставила в центр стола, за которым по субботам утром сидел и разгадывал кроссворды отец Логана.

– Извини, – сказала она. – Я просто достала из посудомойки первую попавшуюся. – Потом снова взяла кружку в руки и стала рассматривать. – Нет дома, лучше бабушкиного. Только твоя мать ведь не бабушка, верно?

– Эта кружка принадлежала моей бабушке, – объяснил Логан.

Трой купил ее матери их матери на Рождество, и ей подарок понравился. Еще бы! Трой славился умением выбирать самые лучшие подарки. Ее любовь к этой кружке была необъяснима, потому что мать их матери никогда не отличалась особой привязанностью к внукам. Когда они к ней приезжали, она всегда хотела, чтобы время их отъезда было точно определено заранее.

Сойдя с веранды на траву, Саванна направилась к нему и встала чересчур близко, так что Логан даже отступил назад. Тех, кто так делал, Эми называла нарушителями личного пространства. Делэйни не были открытыми в выражении чувств людьми. За исключением матери. Она любила обнять, похлопать по руке, погладить по спине, но Джой всегда была исключением из правил Делэйни.

Саванна взглянула на Логана с большим интересом. Ресницы у нее были длинные и белые, как у какого-то маленького зверька из местной фауны, заостренный нос в веснушках, тонкие потрескавшиеся губы, над бровью – телесного цвета пластырь. Логан был выше и мощнее большинства людей, но эта девушка, такая маленькая и хрупкая с виду, заставила его почувствовать себя каким-то глупым переростком, будто он вырядился в костюм талисмана футбольной команды.

– Ты хочешь иметь детей? – Саванна пристально посмотрела на него.

Может, она немного не в себе?

– Вероятно, когда-нибудь. – Логан сделал еще шаг назад. – Что случилось? – Он указал на пластырь.

– Мой парень ударил меня, – спокойно ответила она.

Логан думал, Саванна начнет темнить. На самом деле ему вообще было неинтересно, что она скажет, он просто отвлекал внимание и в результате от неожиданности брякнул, не подумав:

– Почему? – Слово вылетело у него изо рта прежде, чем он успел запихнуть его обратно. *Почему?* Это все равно что спросить: «Чем ты заслужила это?» Сестры разорвали бы его на части. Обвинять жертву! – Прости. Глупый вопрос.

– Ничего. Так вот, он пришел с работы. Когда это было? Вечером в прошлый вторник. – Она засунула руки в карманы джинсов Эми и очертила кружок на траве носком сапога. – Вообще, он был в довольно хорошем настроении в тот день.

– Не нужно рассказывать. – Логан поднял руку, чтобы остановить ее. Ему ни к чему подробности, Христа ради.

– Да ничего, я с удовольствием расскажу тебе.

Раз он задал глупый вопрос, наказанием ему послужит подробнейший, тягостный ответ.

– Мы смотрели телевизор, просто отдохали, а потом в новостях заговорили о случае домашнего насилия. Я подумала: «Ну вот, докатились». Эти истории... – Она мотнула головой. – Не знаю, зачем они все время показывают это по телевизору. Это не помогает. Только хуже становится! – Саванна замолчала.

Логан прищурился, пытаясь извлечь суть из сказанного. *Она о том, что показанный по телевизору сюжет о насилии против женщины вдохновил его?*

– От этих историй у него всегда ужасно портится настроение. Может, он чувствует себя виноватым, я не знаю. Он говорит: «Всегда у них виноват мужчина, да? А девушка ни при чем! Всегда он не прав». – Саванна произнесла это низким, как у диджея, голосом, изображая своего парня.

Логан почти увидел его. Ему был знаком такой тип мужчин.

– Ну так вот, я сразу переключила канал, сказав: «О, я хочу посмотреть „Выжившего“!» – а он не возразил, но я почувствовала: он ждет, когда я сделаю что-нибудь не так. Время шло, я начала успокаиваться и подумала: «Ну вот, все хорошо», а потом, как идиотка, как дура, вдруг взяла да и спросила, заплатил ли он за регистрацию машины? – Саванна покачала головой, удивляясь собственной глупости. – Я не пыталась упрекнуть его. Честно, не пыталась. – Она взглянула на Логана из-под своих песочных ресниц, словно хотела убедить его в своей невиновности. – Я просто сказала: «Ты не забыл заплатить?»

– По-моему, резонный вопрос, – заметил Логан.

У него не было личного опыта физического насилия в семье или в отношениях с девушками, но он знал, как может быть неправильно понят вопрос, как простое желание получить информацию иногда оборачивается ссорой.

– Это его и разозлило, – продолжила Саванна. – Очевидно, я проявила пассивную агрессию. – Она пожала плечами и приложила кончик пальца к пластырю над глазом. – В общем, с этого все началось, и пошло-поехало, как обычно, а дальше помню только, как он орет и я ору... Просто жалкая сцена, правда. Стыдно.

Она посмотрела в сторону, уперев руки в бедра. От нее пахло какими-то цитрусовыми духами, лаком для волос и сигаретами, как от девочек, которых Логан целовал на каникулах за бытовым корпусом в кемпинге на Центральном побережье, куда люди приезжали в домах на колесах. Запах открыл шлюз потоку чувств, которые Логан предпочел бы объяснить ностальгией по тем временам, а не желанием обладать этой девушкой. Как-то неприлично думать о том, что ему хочется поцеловать ее – маленькую, хрупкую, побитую парнем. Логан почувствовал, будто он заодно с этим тупоголовым бойфрендом.

– Ну да ладно... Все равно... Вот что случилось. – Саванна поддернула джинсы на талии. – Он теперь – история. Я ушла, села в такси и не вернусь к нему.

– Хорошо, – сказал Логан, и в голове у него защелкали мысли. – Твой парень знает, что ты здесь? – Он представил, как его мать привычным движением с улыбкой на лице распахивает дверь навстречу гостям – она всегда любила хорошую компанию – и встречается с каким-то молокососом, жаждущим мести. Он не дождался ответа. – Откуда ты знаешь моих родителей?

– Я их не знаю, – сказала Саванна. – Я постучала в их дверь наугад.

– Что?

– Логан! – Его мать отодвинула дверь на заднюю веранду и приложила руки к щекам, словно не могла поверить, что это он, словно не видела его машину на подъездной дорожке и не получила достаточно много знаков, предупреждающих о присутствии где-то в доме ее старшего сына. Джой придала голосу едва заметный аристократический выговор, зарезервированный для посторонних. Вообще-то, он был слышнее обычного. Она как будто опьянела от возбуждения. – Что ты там делаешь?

– Чищу водостоки, мам, – отозвался Логан. – Как и обещал.

– Не нужно тебе этим заниматься. Твой отец все держит под контролем. – Джой подошла к ним и обняла девушку за плечи. – Вижу, ты уже познакомился с Саванной. – Мать взглянула на нее, потом перевела глаза на него. – Она поживет у нас немного... Она поживет у нас сколько захочет. – Говоря это, Джой гладила Саванну по спине в ритме своей речи, потом убрала руку и

спросила: – Как Индира? – сопроводив вопрос пронизывающим взглядом, будто догадывалась об их разрыве, но откуда ей знать?

– Она в порядке, – ответил Логан. – Она просила передать тебе это.

Он вынул из кармана маленький, теперь уже жалкий с виду подарок. Индира просила вручить его матери несколько недель назад, а он все забывал.

– О Логан! – Джой схватилась за сердце. Она вся трепетала от восторга.

– Это мелочь...

– Она не захотела прийти? – спросила Джой и огляделась, словно ожидала, что Индира вдруг выскочит из-за живой изгороди. – Чтобы посмотреть, как я его открою?

– Это всего лишь...

– Девушка Логана особенная, – сказала Джой Саванне. – Очень. Я бы хотела, чтобы она была здесь! – Джой пригладила волосы и снова окинула двор подозрительным взглядом, а потом разорвала бумажный пакетик. – О! – Ее лицо выражало разочарование. – Это... магнит на холодильник.

Джой повертела его в руках, отыскивая в этой безделице какое-нибудь тайное послание. На магните был желтый цветок. Логан понятия не имел, почему Индира купила эту штуку и почему при виде ее на лице матери мгновенно возникло такое страдальческое выражение. *Что она ожидала обнаружить в пакетике?*

– Очень мило, – произнесла Джой, глаза ее блеснули. – Индира знает, что я люблю желтые герберы, а этот дурацкий магнит, который мы купили в Лондоне, все время падает с холодильника! Вот почему она прислала мне этот. Она такая внимательная. Поблагодари ее, пожалуйста. Хотя мы с ней увидимся в воскресенье, так что я сама ее поблагодарю.

«Ты не увидишься с ней в воскресенье», – подумал Логан, но он точно не собирался рассказывать матери о своем разрыве с Индирой при этой чужой девушке, а потому быстро сменил тему:

– Я только что услышал о том, как... Саванна постучалась в вашу дверь. – Он откашлялся. – Наугад? Это...

Интересно, Бруки уже знает? Она младшая в семье, но самая разумная и уверенная в себе.

– Саванна сказала, что у нее возникло хорошее чувство при взгляде на наш дом, – пояснила Джой и простодушно улыбнулась Логану. – Он показался ей безопасным. Как это мило, правда?

– Да, мило. Я спрашивал Саванну, знает ли ее бывший бойфренд, где она? – Логан встретился взглядом с матерью. Джой нравилось изображать из себя чудачку, но она не глупа.

– Он не знает, где она, и никаким способом не может узнать.

– Не волнуйся, – успокоила его Саванна. – Он меня не найдет. Я даже не взяла с собой телефон, когда уходила.

– Да, и мы собираемся выбрать время и съездить к ней на квартиру, чтобы забрать вещи, когда он будет на работе, – сказала Джой таким тоном, будто планировала обед.

– Мама, ты туда не пойдешь! – заявил Логан.

– О да, я, наверное, останусь в машине. В квартиру с Саванной пойдет твой отец. Просто чтобы подстраховать. – Мать взглянула на него с веселой хитрецей в глазах, и Логан сразу почувствовал, что неотвратимо соскальзывает на тот путь, который уже намечен для него.

– Полагаю, и отцу не нужно туда ехать. – Логан вздохнул. Ему не улизнуть. Он посмотрел на Саванну и постарался, чтобы голос его прозвучал любезно, а не уныло. – Я отвезу тебя.

– Не нужно никому ездить со мной, – возразила Саванна. – Правда не нужно.

– Твой брат может составить вам компанию, – обратилась Джой к Логану. – Для надежности. Отличная идея! – Она произнесла это в теплой поздравительной манере, как будто такая

разумная мысль пришла в голову Логану. – Вы с Троем можете Саванне все сгрести и побыстрому убраться оттуда, да и дело с концом!

Кончится ли дело на этом?

– Разве Трой не в Америке? – спросил Логан.

– Он прилетел сегодня утром, – ответила мать. – Вы втроем можете съездить к Саванне завтра, когда он оправится от смены часовых поясов. Думаю, тебе лучше приехать в одиннадцать. Чтобы избежать часа пик. У тебя же будет время до начала занятий в два часа.

Логану хотелось сказать: «Может быть, завтра утром у меня есть еще какие-то дела, мама», – но тогда она потребует подробностей.

– Нет. Все в порядке. Я ценю ваше предложение, но поеду сама, – сказала Саванна.

Логану захотелось рассмеяться, потому что она не представляла, насколько бесполезно противиться его матери: раз Джой что-то решила, так тому и быть. «Если ваша мать поймала момент, ее уже никто не остановит», – всегда говорил отец; он имел в виду теннис, но все, что он говорил о теннисе, легко прилагалось к жизни.

– Я поеду одна, – повторила Саванна.

– Нет, не поедешь, дорогая, – проговорила Джой, и в ее голосе звучала сталь.

«Гейм за мамой», – подумал Логан.

Глава 12

Сейчас

Как бы вы описали брак своих родителей?

Детектив старший констебль Кристина Хури перевернула лист в своем блокноте и внимательно посмотрела на сидевшего напротив мужчину: Логан Делэйни. Второй из четверых взрослых детей Джой. Тридцать семь лет. Сутулит плечи и говорит, растягивая слова, как серфер, но глаза внимательные, как у человека, живущего по расписанию. Похож на садовника, но, наверное, преподает основы предпринимательства. Они с Этаном опрашивали его в холле местного колледжа. Он сказал, что следующее занятие у него начинается через двадцать минут.

Они сидели напротив Логана в низких виниловых креслах с полукруглой спинкой, между ними стоял круглый столик. На доске объявлений за спиной у Логана – реклама вечерних курсов: «Вы хотите сами изготавливать мебель?», «Вы хотите написать мемуары?», «Вы хотите научиться поддерживать беседу?», «Вы хотите вступить в брак?». Какие-то люди действительно идут на курсы, чтобы вступить в брак? Надо не забыть рассказать об этом Нико. Или нет. Вдруг он захочет прослушать этот курс. Иногда он загорается энтузиазмом по поводу каких-нибудь диких занятий.

– Я бы описал их брак как нормальный, – ответил Логан. – Хороший. – Он покрутил правым плечом сперва вперед, потом назад. – Они прожили вместе почти пятьдесят лет.

– Проблемы с плечом? – изобразила заботу Кристина; ее интересовало, что случилось с суставом у Логана.

– Все в порядке. – Он прекратил двигать плечом и сел прямее.

– Значит, они женаты около пятидесяти лет. Это долгий срок.

– Да.

– Очевидно, во всех браках бывают подъемы и спады, возникают конфликты, – сказала Кристина и замолчала.

Удар сердца.

Еще один.

Логан приподнял бровь. Он очень похож на своего отца. Не спешит заполнять паузы.

– Вы сами женаты, Логан?

Он взглянул на свою левую руку, будто хотел проверить:

– Нет. Я не женат. И никогда не был.

– В отношениях?

Он слабо улыбнулся:

– Это сложно.

– Вы могли бы сказать, что у ваших родителей были сложные отношения?

– Нет, – ответил он. – У них прекрасные отношения. Они чемпионы в парном разряде.

Нужно очень хорошо понимать и чувствовать друг друга, чтобы успешно играть в паре.

– А что касается жизни вне корта?

– Они тридцать лет вели вместе весьма успешный бизнес.

– Значит, их брак не был... – Кристина заглянула в свои записи, – временами шатким?

– Каждый брак временами шатается. – Логан посмотрел на ее блокнот, как будто пытался разглядеть, что у нее там написано. – Кто-то действительно сказал вам такое?

– Кажется, ваша сестра сказала полицейскому, что в последнее время отношения между ними были – как же она выразилась? – «немного бурные».

– Которая из сестер? – Логан поднял руку, чтобы предупредить ее ответ. – Я знаю. – Кажется, он пришел к внезапному решению. – Слушайте. Можете сказать мне прямо: вы относитесь к моему отцу как к подозреваемому?

Конечно, приятель. И ты это знаешь.

Кристина не сомневалась, что Логан видел заживающие царапины на лице своего отца. Стэн Делэйни объяснил, что оцарапался, когда лез сквозь живую изгородь за теннисным мячом. Но детективу Хури они представлялись классическими следами борьбы, ранением, нанесенным защищающимся.

Вчерашний обыск у Джой и Стэна Делэйни мало что принес. В доме чисто и опрятно. Нарочито чисто и опрятно. Никаких признаков, даже отдаленно указывающих на борьбу, кроме одного: тонкая трещина, змеившаяся по стеклу висевшей в коридоре фотографии в рамке. На снимке – ребенок с теннисным кубком в руке. «Что здесь произошло?» – спросила Кристина Стэна Делэйни, и он ответил: «Не представляю».

Это была ложь. Так же как история про поиски теннисного мяча, закатившегося в живую изгородь. Рамку с фотографией они изъяли в надежде, что на ней обнаружатся следы крови или волос.

Стэн Делэйни вчера отвечал на ее вопросы кратко, не вдаваясь в детали. Да, они с женой поссорились, но он отказался объяснять из-за чего. Сказал, да, не в характере его супруги уезжать вот так. Да, это странно, что она не взяла зубную щетку и ничего из одежды, насколько он мог судить. Он явно умный человек. Знает, что не обязан быть вежливым, и его нельзя заставить говорить то, чего он говорить не желает. Он держался хорошо. Чертовски хорошо! Но Кристина была лучше.

– Ваша мать пропала, и мне говорят, что это на нее не похоже. И пока мы только собираем информацию.

– Отец сильно беспокоится. Он не спит и не ест. Он сам не свой.

Кристина постучала кончиком ручки по блокноту:

– Позвольте заметить, Логан, что вы, кажется, не сильно беспокоитесь за свою мать.

Он вскинул брови. Подождал вопроса.

– И тем не менее это именно вы и ваша сестра подали заявление о пропаже человека.

И снова он ждал вопроса.

– Как вам известно, сегодня днем мы устраиваем пресс-конференцию. Мы затрачиваем много времени и сил на поиски вашей матери.

Кристина увидела, что хорошие манеры прорываются в нем.

– Спасибо вам. Мы очень благодарны. Мы переживаем, вдруг с ней произошел несчастный случай. Или какой-нибудь... неприятный эпизод, или еще что.

– Эпизод? – произнесла Кристина. – Вы имеете в виду эпизод, связанный с психическим здоровьем?

– Вероятно. – Логан заерзал в кресле.

– Не было ли у нее признаков депрессии?

– Вроде нет. – Он поморщился и осторожно добавил: – Ну может быть, самые незначительные.

– Вы можете рассказать об этом подробнее?

– Она была немного не похожа на себя. – Он смотрел мимо головы Кристины. – Вероятно, чувствовала себя... расстроенной.

– Из-за чего?

– Ну... – начал Логан, и Кристина заметила, что он обдумал, а потом отбросил правдивый ответ. – Я не вполне уверен.

– Значит, она отправила сообщения всем своим детям о том, что уезжает, но не оставила записки отцу. Вы не находите это странным?

– Они поругались, – пожал он плечами. – Вы же знаете. – (Это Кристина знала.) – У отца нет мобильного телефона, так что послать ему сообщение она точно не могла.

– Она наверняка могла позвонить ему по домашнему телефону, могла оставить записку, найти какой-нибудь другой способ связаться с ним, – заметила Кристина.

Простейший ответ часто самый верный.

– Я понимаю, как это выглядит со стороны, но вы ошибаетесь.

Никто не хочет верить, что их родители способны убить один другого, чего бы ни насмотрелись.

Кристина снова взялась за свое:

– В сообщениях ваша мать не просила передать отцу, что она уезжает.

– Ее сообщения – полная бессмыслица, – напомнил ей Логан.

Детектив Хури промолчала. Она ждала. Иногда ее работа состояла исключительно в том, чтобы ждать.

Логан стукнул костяшкой согнутого пальца по подлокотнику кресла, как стучат в дверь, когда теряют терпение:

– Неужели вы и правда думаете, что мой семидесятилетний отец убил мою мать, избавился от тела и послал нам всем непонятные сообщения с ее телефона, чтобы сбить нас со следа. Боже мой! Да это из области фантастики. Это просто... невозможно.

– По нашим сведениям, ваш отец ни разу не попытался позвонить вашей матери на мобильный телефон, – сказала Кристина.

В первом расследовании убийства, которое она вела, мужчина позвонил двадцати друзьям и родственникам и очень достоверно изобразил в разговорах отчаяние, но ни разу не попытался связаться со своей якобы пропавшей женой. Зачем звонить ей? Он знал, что она не ответит.

– Вам придется спросить об этом его самого, – сказал Логан.

– И где, по-вашему, сейчас ваша мать, Логан? Как вы думаете, что происходит?

Логан продолжил свою прежнюю мысль, будто пытался что-то прояснить для себя:

– Значит, он отправляет нам ложные эсэмэски и прячет телефон под кроватью? Не где-нибудь, а именно там? Разве он не уничтожил бы его? Если он способен кого-то убить, вы не допускаете, что у него хватило бы ума и на то, чтобы избавиться от телефона?

– Может быть, он не мог ясно мыслить.

– Я не знаю, где она, и вы ошибаетесь. Я волнуюсь, потому что вы правы, это странно и не похоже на нее. – Логан опять заерзал на месте и рассеянно махнул рукой кому-то, вышедшему из аудитории. – Но в то же время мне кажется, может быть, ей нужно было ненадолго уехать, или она таким образом хочет что-то показать.

– Зачем вашей матери что-то показывать таким образом? – (Логан поднял руки.) – И что именно она хочет показать?

Он покачал головой, уставился в стену и выпустил изо рта воздух, как струйку сигаретного дыма.

Кристина придавала своему голосу легкую агрессивность. Эта невятица начала раздражать ее.

– Одно с другим не сходится. Вы говорили, у ваших родителей были идеальные отношения, а теперь утверждаете, что, может быть, ваша мать исчезла, чтобы что-то показать отцу.

– Я никогда не говорил, что у них были идеальные отношения. Конечно, без проблем не обошлось. Как у всех. По вашим словам.

– Не могли бы вы поточнее описать, что это были за проблемы?

– Вообще-то, нет. – Он вздохнул. – Вы сами можете точно проанализировать брак своих родителей?

– Мои родители разведены, – коротко ответила Кристина.

Она могла бы очень точно описать их проблемы. Они развелись из-за тарелки. Выйдя на пенсию, ее отец завел привычку каждый день в одиннадцать вечера готовить себе сэндвич

с хумусом и томатом. Мать Кристины просила его споласкивать тарелку и ставить ее в посудомоечную машину. Он отказывался. Это каким-то образом противоречило его принципам. Так продолжалось несколько лет, пока в один прекрасный день мать Кристины не вынула эту тарелку из раковины и не запустила ее отцу в голову, как фрисби, после чего заявила: «Я хочу получить развод». Отец был ошарашен и ранен. Не физически ранен. Голову он успел пригнать. В конце концов он заключил, что его жена рехнулась, и снова женился, не прошло и года. Тем временем мать Кристины увлеклась горячей йогой и под села на сериал «Рассказ служанки». «Под его взглядом»³, – мрачно приветствовала она дочь каждый раз, как та звонила ей обсудить приготовления к свадьбе. Мать говорила, что счастлива за вторую жену отца Кристины и желает ей прожить в браке столько же лет, сколько она, и не встать на ее точку зрения.

– А как насчет домашних дел? – спросила Кристина. – Какие-нибудь проблемы?

– Домашних дел? – Логан моргнул, как частенько моргают мужчины, когда женщины заводят разговор о пустячных бытовых проблемах в очень серьезном тоне.

«Это была всего лишь тарелка», – неустанно повторял отец Кристины. Он так и не понял, что эта тарелка выражала неуважение. Пренебрежение. Равнодушие.

– Домашними делами занималась моя мать, – ответил Логан. – Это никогда не вызывало проблем между родителями. В этом смысле у них был традиционный брак. Она... из того поколения.

– Но разве она, помимо этого, не участвовала в управлении теннисной школой?

Логан занервничал.

– Я не говорю, что это было справедливо. – (Кристина ждала.) – Я говорю, что ни разу не слышал, чтобы они ссорились из-за домашних дел.

Он произвольно скривил губы на словах «домашних дел»? А его глаза переметнулись на Этана в поисках мужской поддержки? *Что мелет эта девица, уму непостижимо?* Или она проецирует на эту ситуацию свои предрассудки? Кристина тоже ни разу не слышала, чтобы ее родители ссорились из-за домашней работы, и тем не менее тарелка в раковине разрушила их брак. *Он просто игнорирует меня, Кристина. Я прошу его так мягко, а он просто не обращает внимания.* Нет людей слишком старых или слишком воспитанных, чтобы внезапно не сорваться.

– Так из-за чего же они ругались?

Логан посмотрел в сторону:

– С моим отцом иногда бывало трудно. Теперь он изменился.

Ну вот, мы уже к чему-то приближаемся.

– Он когда-нибудь бил вашу мать?

– Боже! Нет. Никогда. – Логан опять посмотрел на нее, в его глазах застыл ужас. – У вас создалось неверное впечатление.

И все же Кристина заметила нечто мимолетное: вопрос, мысль, воспоминание? Но искорка промелькнула, и она успела ухватить ее.

– Никогда? – попробовала надавить она.

– Никогда, – ответил Логан. – Простите, если я вызвал у вас такую мысль, потому что это совершенно не так. Просто иногда отец бывал... не в духе. Это все, что я имел в виду. Он замыкался в себе, когда был расстроен. Как многие мужчины его возраста. Но он обожал мать. – Логан пробормотал что-то неразборчивое.

– Простите, я не расслышала.

Он натянуто улыбнулся:

– Я сказал, он обожает мою мать. Он до сих пор обожает мою мать.

³ «Под его взглядом» – фраза, которую часто используют служанки в сериале, в частности в качестве приветствия; реминисценция на выражения «Господь все видит» и «Большой брат смотрит на тебя» из романа Дж. Оруэлла «1984».

Кажется, Логан тоже собрался замкнуться в себе.

Кристина сменила тему:

– Что вы можете сказать о женщине, которая некоторое время жила у ваших родителей в прошлом году? Обе ваши сестры упоминали о ней.

– Саванна, – тяжело проговорил он. – Да что о ней сказать? Там возникли сложности на какое-то время.

– Какие?

– Всякие.

Глава 13

Прошлый сентябрь

Значит, это пока она не найдет, где жить, – сказала Джой Бруки, расхаживая по гостиной с зажатым между ухом и плечом телефоном и вытирая пыль специальной тряпкой из микрофибры, которую купила на одной из тех мерзких вечеринок, где ей приходилось терпеть демонстрацию товаров в исполнении милой женщины, трое детей которой много лет без особых успехов посещали занятия у Джой и Стэна, поэтому Джой посчитала себя обязанной приобрести три тряпки из микрофибры, по одной за каждого ребенка.

Джой завела себе правило вытирать пыль, когда бы ни позвонил кто-то из ее детей, даже когда это был Логан, разговоры с которым продолжались не дольше тридцати секунд.

Сегодня Джой находилась в отличном настроении. Вчера вечером у них со Стэном был секс. На удивление хороший секс. Если бы она все еще сохраняла способность забеременеть, то это наверняка произошло бы. Джой всегда говорила, что Стэну стоило только взглянуть на нее, чтобы она забеременела, и это сильно смущало и вызывало непонимание у шестилетней Бруки, которая однажды обвинила милого малыша Филипа Нгу в том, что тот попытался «забеременеть ее на перемене».

Сексуальная близость случилась у Джой со Стэном впервые за много месяцев. Она на самом деле думала, что в этом смысле между ними все кончено, и даже не сильно расстраивалась, что само по себе грустно. Она подозревала, это как-то связано с Саванной. Может быть, объяснение тут простое: они снова стали закрывать дверь спальни, что раньше было сигналом к ночи любви, или либидо Стэна подстегнул вид порхающей по дому симпатичной девушки?

Честно говоря, Джой это не беспокоило. Ей и самой доводилось искать поводы, чтобы появляться на переднем дворе, когда тридцатилетний сын Каро Джейкоб, сняв рубашку, работал в саду. Она знала его с малых лет, но он вырос похожим на молодого Роберта Редфорда, а Джой еще не умерла.

Это действительно был очень хороший секс для людей их возраста, думала Джой. Ее подмывало похвастаться Бруки, как здорово вчера проявили себя в спальне ее родители, будто они выиграли какой-то поистине сложный матч.

– Почему ты смеешься, мама? – спросила Бруки.

– Я не смеюсь, – ответила Джой. – Я вытираю пыль. У меня нос зачесался.

Сегодня Бруки оставила два сообщения на ее голосовой почте. Она узнала о Саванне сперва от сестры, а потом, очевидно, ей позвонил Логан, как только уехал от них утром, так что теперь Джой спокойна. Она знала: не позвонить Бруки раньше – это был серьезный просчет. Бруки полагала, что должна первой узнавать обо всех важных семейных событиях. Но, по правде говоря, Джой откладывала звонок Бруки, так как знала, что таотреагирует на новость о появлении в их доме незваной гостьи скептически, с неодобрением и тревогой – так и произошло.

– Логан сказал, что завтра они с Троем будут помогать этой девушке с переездом из ее квартиры. – Бруки говорила по громкой связи по пути домой с работы. Голос ее то и дело пропадал.

– Да, Логан настоял на этом, – ответила Джой. – Он не хотел, чтобы этим занялся отец. Они с Троем завтра отвезут Саванну к ее квартире и помогут забрать вещи. И ей больше не придется иметь дело с этим мерзавцем.

Джой перешла в гостиную, держа тряпку в приподнятой руке, и принялась за коллекцию теннисных мячей. Стэн собрал сорок три мяча с подписями великих теннисистов. Мячи хранились в маленьких стеклянных коробочках, и было просто удивительно, с какой скоростью на них накапливалась пыль. Когда он умрет, первыми исчезнут из дома подписанные мячи.

Некоторые из них, вероятно, фальшивые. Джой где-то читала, что подделка спортивных сувениров процветает.

– А вдруг этот ее дружок объявится? – спросила Бруки.

– Он будет один против двоих, – ответила Джой. – Твои братья с ним разберутся.

– А что, если у него будет... я не знаю... нож?

Джой помолчала. *Не будет у него ножа!*

– Может, им тоже запастись ножами?

– О боже мой, мама! – взорвалась Бруки.

Ее экспрессивная реакция успокоила Джой. Она не хотела отправлять своих мальчиков в зону активных боевых действий. Саванна была вполне уверена, что ее дружка они не встретят, а даже если он там окажется, Трой и Логан – крупные, сильные парни, страху нагонят на любого. Так все говорили. Они справятся. Она не позволит им брать с собой ножи. Честно говоря, в глубине души Джой до сих пор опасалась мальчиков с ножами, как будто они были маленькими и могли порезаться или поранить друг друга. Она понимала, что в ее мыслях заключено серьезное противоречие.

– Его не будет дома, – сказала Джой. – Он графический дизайнер, кажется. Как Индира. Интересно, она с ним знакома? Полагаю, вряд ли. Индира подарила мне симпатичный магнит на холодильник, я тебе не говорила?

Джой продолжала уверять всех, что ей нравится магнитик, лишь бы скрыть тот факт, что на самом деле она смотреть на него не могла, испытав столь жестокое разочарование после вскрытия пакетика. Она, как идиотка, убедила себя, что обнаружит там картинку с УЗИ и что Индира прячется где-нибудь в саду, наблюдая за ее реакцией. Умереть можно!

– Нет, мама, ты не упоминала о том, что Индира подарила тебе милый магнитик на холодильник, – сказала Бруки хорошо знакомым Джой тоном.

Она сама когда-то разговаривала с матерью со схожей снисходительностью.

– В любом случае с мальчиками все будет в порядке.

– Не могу поверить, что нам приходится иметь дело с такими людьми, – причитала Бруки.

– С какими такими? – спросила Джой. – Что ты имеешь в виду?

Бруки никогда не отличалась высокомерием. Джой прививала своим детям скромность. Трой любил расхаживать важным, как павлин, бросать свою блестящую черную кредитку на стол в ресторане со словами: «Я беру это на себя», но это было забавно.

– О, ты понимаешь, о чем я, мама, – ответила Бруки.

– Нет, не понимаю. Ты выросла не в аббатстве Даунтон, дорогая.

– Это не имеет отношения к деньгам или классам. Я говорю о людях, которые, ну, я не знаю, могут оказаться, как там говорят, криминальными элементами.

– В нашей семье хватает криминальных элементов! Твой собственный брат был наркодилером!

– Трой всего лишь продавал травку ученикам частной школы. А тебя послушать, так он наркобарон какой-то. Он просто, знаешь... нашел пустую нишу на рынке.

– Могу заверить тебя, что Саванна – милая девушка, попавшая в сложную ситуацию, – твердо заявила Джой.

– Я не сомневаюсь, что она милая девушка, и то, что случилось с ней, ужасно, но она чужая, и ты не несешь за нее ответственности. У тебя своих забот хватает!

Вот он, покровительственный тон, который начал проскальзывать в речи Бруки с тех пор, как Стэн перенес операцию на колене, будто она теперь взвалила на свои плечи обременительные заботы о престарелых родителях. Это было мило, но слегка раздражало.

– О чем ты говоришь? Нам вообще нечем заняться. Абсолютно. Полная пустота, дорогая.

Джой не до конца понимала, как скучно они со Стэном живут, пока на их пороге не появилась Саванна. Эта девушка дала им повод для разговоров, и она была такой симпатичной, благодарной и вообще милой.

– И Саванна теперь нам не чужая. – Вытирая коробочку с мячом, Джой прищурилась на корявую подпись Агасси. – Каждый человек, с которым ты встречаешься, сперва незнакомец. Твой отец был для меня чужим, когда мы встретились. Ты была маленькой незнакомкой, когда я впервые тебя увидела.

Перед глазами Джой всплыло разъяренное красное личико младенца, которого акушерка держала в руках, словно вытасченного из ловушки зверька. Забавно думать, что эта сердитая беспомощная кроха превратилась в самоуверенную молодую женщину.

– Но ты ведь непустила отца жить к себе в первый день знакомства, – возразила Бруки.

– Нет, а тебяпустила! – сказала Джой, радуясь своему остроумию, однако смех Бруки прозвучал глухо.

– Ну в любом случае она к нам не переехала, – заверила ее Джой и взяла мяч Навратиловой. – Это временно. Очевидно. – Она говорила быстро и по-деловому, как раньше с бухгалтерами. – Только пока она снова не встанет на ноги. Беспокоиться не о чем. Тебе она понравится, когда вы познакомитесь. Логану она уже сегодня понравилась! Я точно могу сказать. Знаешь, чем она сейчас занимается?

– Копаются в твоих украшениях? – предположила Бруки. – Крадет твои документы?

Иногда она совсем как отец.

– У меня нет украшений, которые стоило бы украсть, – ответила Джой. – Хотя пожалуйста. Нет. Она готовит обед. Пасту. – (Запах чеснока и лука плыл из кухни.) – Это уже в третий раз! Она сама предлагает! Говорит, что любит готовить! Ты знаешь, как это прекрасно, когда для тебя кто-нибудь готовит? Ну ты знаешь, потому что Грант это делает.

Последовала недолгая пауза, а потом Бруки задумчиво сказала:

– Я готовила для тебя обед, мама.

– Конечно, – успокоила ее Джой. – Много раз.

Бруки была опытным поваром, как и сама Джой, и, так же как Джой, не получала удовольствия от готовки, мрачно плюхала на стол тарелки с усталым и недовольным вздохом.

В семье Джой все любили, да и сейчас любят, хорошо поесть. Накормить их всех было неизбывной трудновыполнимой задачей, и теперь, когда они остались со Стэном одни, Джой приходилось силком затаскивать себя на кухню каждый вечер с мыслью: «Опять?» Саванна же готовила так, словно это было приятное времяпрепровождение, а не рутинная работа, которую, хочешь не хочешь, приходится выполнять; она напевала себе под нос и попутно прибиралась на кухне.

Бруки не отвечала. Джой слышала на дальнем плане шум машин, сердитый гудок какого-то водителя и представила себе дочь за рулем – хмурую, издерганную тревогами за проклятую новую клинику, которую она так храбро открыла, но лучше бы, по мнению Джой, не делала этого, и беспокойством о своих родителях, которые пока не требовали ее забот. *Придет время, моя дорогая, когда мы станем хрупкими, больными и упрямыми и у тебя каждый раз, как мы звоним, будет скручивать живот от любви и страха, но до этого пока далеко, не забегай вперед, мы еще не добрались туда.*

– Дело в том, что я ненавижу готовить! – выпалила Джой и ужаснулась, с какой злобой она это произнесла. – Ты даже не представляешь, как я ненавижу готовить, и это никогда не кончается, готовка вечер за вечером, каждый, черт возьми, вечер! Каждый день в пять часов, как заведенный, твой отец спрашивает: «Что у нас на обед?» – и я скрежещу зубами так сильно, что скулы сводит. – Она замолчала, устыдившись за себя.

– Да что ты, мама, – сказала Бруки, судя по голосу, шокированная. – Нам нужно заказывать для тебя еду, если ты и правда настолько не любишь готовить. Я даже не догадывалась,

что ты так к этому относишься! Столько лет. Лучше бы ты побольше заставляла нас помогать, когда мы росли, но ты не пускала нас на кухню! Я чувствую себя ужасно...

– Нет, нет, нет, – перебила ее Джой.

Как глупо! Ведь и правда она сама никогда не позволяла детям помогать на кухне. Они были такие взбалмошные и шумные, и у нее не хватало ни времени, ни терпения, чтобы быть матерью, которая с любовью улыбается, глядя на то, как ее перемазанное мукой чадо разбивает яйцо на пол.

Она была бы такой бабушкой. Внуки дали бы ей второй шанс все сделать правильно. Теперь у нее есть и время, и лишние яйца, так что внуков она не оставит без внимания. Рассматривая фотографии своих детей, когда они были маленькими, Джой иногда думала: «Замечала ли я в то время, какие они красивые? Была ли я вообще там? Или скользила по поверхности своей убогой жизни?»

– Я наговорила глупостей. Вообще-то, никакой особой неприязни к готовке у меня нет. Просто приятно, когда кто-нибудь ставит передо мной тарелку с едой, как будто я хозяйка поместья! К тому же теперь готовить нетрудно, раз мы остались вдвоем, твой отец и я, это легко! Ну... а ты как? Как прошли выходные?

– Хорошо. Тихо.

Внезапно в Джой вспыхнуло подозрение. Какое-то напряжение в голосе дочери и воспоминание, что та обещала заехать на выходных, но так и не появилась, а сама она была так занята с Саванной, что только сейчас спохватилась, заставили ее сказать:

– Бруки, у тебя был приступ мигрени?

– И чем еще занимается эта Саванна целыми днями? – одновременно с ней спросила дочь. – Кроме готовки?

– Она отдыхает, – ответила Джой. – Ей нужен покой. Думаю, у нее было сложное время.

Первые пару дней Саванна подолгу спала, как будто оправлялась от тяжелой болезни. Джой со Стэном ходили по дому на цыпочках и переглядывались, недоуменно пожимая плечами. Сначала Саванна вообще ничего не говорила, только с благодарностью съедала все, что перед ней ставили. Приятно было видеть, как румянец возвращается на ее щеки.

Дни шли, и девушка стала разговорчивее, казалось, искренне интересовалась жизнью Джой и Стэна, с удовольствием слушала их рассказы и смотрела семейные фотографии. Она расспрашивала их о теннисной школе: как они начали? Как все складывалось вначале? Трудно ли было найти учеников? Играют ли они сейчас? Почему никто из их детей не захотел продолжить семейное дело? На все эти вопросы отвечал Стэн. Он явно хотел сам отвечать: все время встречал первым – это так на него не похоже! – будто ему необходимо было выговориться, а ее интерес выполнял некую терапевтическую функцию, может быть, позволял подвести итог? Саванна кивала и не выражала нетерпения, когда Стэн тратил десять минут, пытаясь вспомнить, состоялся какой-то турнир в 1981 году или в 1982-м.

– А что думает обо всем этом папа? – спросила Бруки и, не дожидаясь ответа, продолжила, вдруг насторожившись: – Он уже выводил ее на корт? Она играет?

Не умеет она хитрить. Папина дочка.

Бруки всегда жаждала получить одобрение отца, как будто ей его не давали, хотя оно всегда у нее было с того момента, как Стэн впервые взял ее на руки. Она была его любимицей. Все это знали, кроме самой Бруки.

– Саванна не играет. Говорит, что она неспортивная. Но твоему отцу она нравится. – Вообще, было удивительно, как поладили Стэн и Саванна. – Они сошлись на любви к какому-то сериалу. Обсуждают героев, словно это реальные люди.

– К какому сериалу? – нетерпеливо спросила Бруки, как будто это имело значение.

– О боже, если б я знала! – ответила Джой.

Она никогда не была большой любительницей смотреть телевизор, и чем старше становилась, тем меньше у нее было терпения на него – у нее начинала ныть поясница, если она сидела без движения слишком долго, – тогда как Стэн двигался в другом направлении и мог часами просиживать в кресле-качалке, глядя какую-нибудь чушь.

– Ладно, – произнесла Бруки.

– Как Грант? – спросила Джой. – И как работа? На днях я дала кому-то твою визитку. Кто же это был? Сказал, что у него болит спина, как у меня, и я сказала, ну, тогда вы должны познакомиться с моей дочерью, и он сказал...

– Эми говорила, что отец покупает ей новую машину. – Голос Бруки прозвучал резко.

– Кому, Саванне? Он не покупает машину, просто мы обсуждали, что ей когда-нибудь понадобится машина. Твой отец спросил, как она относится к новому «гольффу», и они один раз съездили покататься на тестовой машине. Ты знаешь, как твой отец любит это, даже если ничего не собирается покупать.

– На какие средства она купит себе машину? У нее есть работа? – поинтересовалась Бруки.

– Кажется, я уже говорила тебе, что они с ее парнем совсем недавно переехали сюда из Квинсленда, – сказала Джой.

– Так почему бы ей не отправиться обратно в...

– Джо-ой! Обед!

– Мне нужно идти. Саванна зовет меня обедать. – Она подошла к кухне с телефоном у уха.

– Как отнесся отец к новости о возвращении Гарри? – спросила Бруки.

– Саванна отвлекла его. – Джой понизила голос, хотя и знала, что Стэн уже на кухне и занимается напитками.

Сквозь дверь она видела Саванну с тремя полными тарелками, пристроенными на руках, как у официантки. Прическа ее выглядела очень хорошо.

– Будет интересно узнать, что он напишет об отце в своей автобиографии, – сказала Бруки. – Думаешь, папа станет ее читать? Или это его слишком расстроит?

– Автобиография? – Джой замолчала и отвернулась от кухни.

– Вроде бы Гарри сам пишет ее или платит литературному рабу за ее написание.

Избавятся ли они когда-нибудь от этого парня?

– Я не знала.

А следовало бы это предвидеть. Все теннисные знаменитости рано или поздно пишут о себе. Людям нравятся истории успеха. Преподаватель курса «Итак, вы хотите написать мемуары» сказал, что «Из нищеты к богатству» и «Всемирным преградам вопреки» – самые популярные мотивы в воспоминаниях.

Было как-то унизительно слушать этот глупый мемуарный курс. Зачем это Джой и Каро? Вот Гарри, малыш с разодранными коленками, которые Джой однажды пришлось заклеивать пластырем, тот напишет настоящие воспоминания, которые действительно захотят прочесть люди. Вся прожитая жизнь показалась вдруг Джой совершенно никчемной. Жизнь женщины.

– А ты будешь читать? – спросила Бруки.

– Не знаю, – медленно произнесла Джой. – Возможно.

Она услышала низкий голос Стэна, говорившего на кухне с Саванной, подошла к дивану, села и взяла в руки подушку. Погладила шелковистую бахрому с кисточками на углах, осмысливая свою реакцию на новость. Сердце у нее билось учащенно, но определенно не выскакивало из груди. Тут действительно не о чем волноваться. В конце концов, они со Стэном представляли лишь одну главу в умопомрачительной карьере Гарри. Он просто выдаст более подробную версию затасканной истории о лотерейном билете: как его отец Элиас выиграл

индивидуальный урок у Делэйни, привел на него сына, который впервые взял в руки ракетку, бла-бла-бла.

Больше никаких откровений не предвидится. Гарри ничего не знал. Он был ребенком, полностью сосредоточенным на своем будущем. Читателям интересно, каково это – выиграть Уимблдон. Их волнуют его секреты, а не секреты его отца. И не тайны Джой.

Перед глазами у нее всплыло красивое лицо Элиаса: его медленное, чувственное подмигивание. Раньше у нее от этого холодела кровь. Она встретила его на одном турнире между штатами и подумала: «Элиас, не смей больше мне подмигивать!» Но он, конечно, подмигнул ей поверх голов их ничего не замечающих детей. Как будто это просто шутка. Что ж... Она не станет переживать. Выбросит это из головы. Все это было так давно.

«Ни к чему долго думать об одном и том же, – любила говорить ее мать. – Теперь все слишком углубляются в свои проблемы».

– Я должна отпустить тебя, дорогая, – быстро сказала она Бруки. – Знаю, ты занята. – Джой улавливала запах ожидавшего ее обеда. Она положила подушку в угол дивана. – Увидимся в воскресенье, на День отца. Тогда ты и познакомишься с Саванной.

– Она все еще будет у вас? – Голос Бруки едва не сорвался от искреннего разочарования. – В День отца?

Джой снова понизила голос и приникла к телефону.

– Дорогая... – начала она.

В семье бытовал миф, что Бруки нравилась стабильность, что, хотя она младшая и состояние ее здоровья вызывало больше всего опасений, в действительности Бруки – самая крепкая из детей Делэйни, наименее чувствительная, работа и личная жизнь у нее упорядоченны, а вот Эми, старшая, которой вследствие этого полагалось бы быть самой ответственной, неустойчива, хрупка, ее чувства легко задеть, но Джой-то знала правду.

Она знала, что кроется за фасадами, которые ее дети являли миру. Да, у Эми есть проблемы с психикой, но внутри она прочна, как гвоздь. Логан притворяется, что ему ни до чего дела нет, а на самом деле из-за всего переживает. Трой строит из себя главного, потому как чувствует свою незначительность, а Бруки любит изображать, что она самая взрослая из них всех, но иногда Джой замечала на ее лице выражение испуганного ребенка. В такие моменты Джой хотелось обнять свою дочурку ростом шесть футов один дюйм и сказать: «Малышка моя».

– ...Саванна не успеет найти себе новое жилье к выходным.

– Нет. Конечно нет, – ответила Бруки, теперь уже отстраненно и бесстрастно. – Ну и ладно, мама. Ты делаешь доброе дело, и я рада, что ты получаешь передышку от готовки. Увидимся в воскресенье. Люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю, – ответила Джой, но Бруки отключилась.

Джой прошла на кухню, где Стэн успел выставить на островок три бокала с вином: белое – для Саванны, красное – для себя и шпритцер⁴ – для жены.

Саванна водрузила большую тарелку с зеленым салатом в центр стола и под очень правильным углом вставила в него блестящие серебряные салатные ложки. Кто-то подарил Джой эти ложки много лет назад, и она никогда ими не пользовалась, как-то все не находилось подходящего случая, даже в Рождество, а вот Саванна автоматически брала и пускала в дело, не привязываясь к поводам, самые красивые вещи с кухни Джой: хорошие сервировочные салфетки под тарелки, красивые стаканы, столовые приборы, и в результате каждый обед ощущался как праздничный и приносил удовольствие.

У нее был вкус к сервировке стола. Мать Джой обладала таким же качеством, а вот Джой его не унаследовала. Сегодня Саванна даже принесла веточку цветущей вишни и поставила ее в крохотную вазочку, которую откопала в глубине буфета.

⁴ Шпритцер – смесь вина с минеральной водой.

– Музыка? – Джой подняла телефон, склонив голову набок.

Задавая это вопрос, она чувствовала, будто ей года тридцать два и она живет в доме, который делит с подругой, как Эми. Сама Джой в жизни не жила в таких домах. Логан давным-давно завел ей аккаунт на Spotify, но Джой не нашла достойного случая воспользоваться им, как и салатными ложками, пока у не появилась Саванна.

– Да, пожалуйста. – Девушка ловко пробралась у нее за спиной к буфету, чтобы взять мельницы для соли и перца.

– Эта паста выглядит вкусно, Саванна, – сказал Стэн.

Он никогда не сказал бы: «Это выглядит вкусно» – по поводу какой-нибудь стряпни Джой, хотя иногда, беря в руки вилку, бурчал: «Смотрится недурно». Любезность Стэна была как хорошая посуда и столовые приборы. Она придавала вечеру блеск.

Стэн подмигнул Джой – просто как любящий муж, без всякого подтекста, – и она ощутила его руки на своем теле прошлым вечером, его низкий голос у себя около уха, а когда кухню наполнили первые ноты песни Нила Даймонда «Sweet Caroline», Джой позволила улетучиться мыслям о мемуарах Гарри и тревогам за Бруки, по ее телу разлилось глубокое чувство удовлетворения, благословенное, как быстродействующий парацетамол.

Глава 14

Сейчас

Мистер Делэйни, вы убили свою жену?

– А? – Старик, огромный и сутулый, с красноватыми мешками под глазами, поднял лысую голову, явно ошарашенный вопросом. – О чем вы?

Журналист с младенческим лицом в опрятном костюме и при галстуке сунул к его рту ворсистый микрофон:

– Мистер Делэйни, вы имеете какое-то отношение к исчезновению вашей жены?

Старик стоял на лужайке перед своим домом на окраине города, плечом к плечу с четырьмя взрослыми детьми, в полукольце из журналистов и операторов с видеокамерами. Журналисты все были молодые, в повседневной одежде ярких расцветок, без рисунков и орнаментов, угловатые плечи, лица гладкие и матовые от макияжа. Видеооператоры были постарше, мужчины с непримечательными бесстрастными лицами и в одежде, подходящей для похода в магазин инструментов на выходных, – джинсы и рубашки поло.

– Мистер Делэйни?

– Это оскорбительно. Отойди от него, ты, паразит! – Это сказала одна из дочерей старика.

Она стукнула по микрофону. Быстрый мягкий удар слева. Очевидно, она теннисистка. Как все они. Вперед вышел один из ее братьев, выставив руку перед лицом отца, чтобы защитить его.

Но двое других – брат и сестра – ничего не делали, даже как будто чуть-чуть отступили от отца, а Интернет это заметил.

Мнение сформировалось. *Двое из его детей считают, что он это сделал.*

Глава 15

В Сиднее растет тревога за женщину, которую не видели уже десять дней. Сегодня полиция опубликовала запрос на информацию о местонахождении бывшего тренера по теннису Джой Делэйни.

Заявление об исчезновении 69-летней женщины поступило в полицию 20 февраля, и полицейским не удалось обнаружить ее. Члены семьи говорят, что в День святого Валентина получили от нее текстовое сообщение неясного содержания. Предположительно, она могла уехать на зеленом велосипеде со светлой плетеной корзинкой.

Прочесывание окрестного буша и движение по следам велосипедных шин, к которым привлечены более сотни волонтеров из местного сообщества, не дали результатов. Полиция просит всех окрестных жителей, у кого в домах есть камеры видеонаблюдения или видеорегистраторы в машинах, заявить об этом.

В ходе расследования изъят серебристый «вольво», он будет проверен экспертами-криминалистами в ближайшие несколько дней.

Следователи хотят поговорить с Саванной Пагонис, которая гостила в доме Делэйни и может обладать важной информацией. Полиция подчеркивает, что мисс Пагонис не подозреваемая и не заинтересованное лицо. «Любая информация, какой бы незначительной и тривиальной она ни казалась, может быть сейчас крайне важна», – сказала детектив старший констебль Кристина Хури.

Муж пропавшей женщины Стэнли Делэйни содействует полиции в расследовании.

– Содействует полиции в расследовании, – пробормотала Тереза Уилсон, аккуратно вырезая большими кухонными ножницами статью из сегодняшней газеты. Такая была у нее привычка, хотя дети над ней и посмеивались. Странно, как повседневные привычки, вроде вырезания статей из газет, вдруг становятся старомодными.

Тереза не могла решить, покажет ли она эти вырезки своей дочери Клэр, когда та вернется домой от врача. Очевидно, Клэр уже слышала, что мать ее бывшего мужа пропала.

Клэр встревожится и смутится. Ничего нет хуже беспокойства о людях, которые плохо обошлись с тобой. Ты не желаешь своим врагам выиграть в лотерею, но и горя им не желаешь. И в результате они тебя побеждают.

Черт бы побрал этих Делэйни! Раньше Тереза обожала семью Делэйни, но все изменилось в один миг пять лет назад. Ей никогда не забыть потрясенного лица Клэр, когда та рассказывала ей, что сделал Трой.

Он не только разбил ей сердце. Трой виноват еще и в том, что она теперь замужем за американцем – милым американцем, но американцем, живущим в Америке.

Когда Трой и Клэр были женаты, они вели этакую гибридную жизнь, постоянно путешествуя из Австралии в США и обратно, как будто от Нью-Йорка до Сиднея можно добраться на автобусе. Так Клэр и подружилась с девушкой из Техаса по имени Сара, которая в конце концов пригласила ее на свою свадьбу, где Клэр познакомилась с разведенным братом Сары Джеффом, и ничего плохого не было в этом Джеффе, кроме адреса. Остин – очень веселый и приветливый город, но Сидней не хуже! Ее новый зять только улыбнулся, когда Тереза это сказала. Он не так интересовался ею, как Трой. Трой как будто немного заигрывал со своей тещей. И ей эти заигрывания нравились. Теперь вспоминать об этом грустно. Их всегда обводят вокруг пальца. Джефф не Трой. Джефф ненавидел летать на самолете. И не хотел вести гибридную жизнь. Он предпочитал, чтобы Клэр встречалась со своими австралийскими родственниками не чаще раза в год. Сейчас Клэр в Сиднее, живет в свободной комнате, и это пре-

красно, но рано или поздно она снова сядет в самолет, и Тереза не увидит свою единственную дочь много месяцев.

Так что спасибо тебе ни за что, Трой Делэйни.

Она приставила концы ножниц к газетному заголовку: «РАСТЕТ ТРЕВОГА ЗА ПРОПАВШУЮ ЖЕНЩИНУ».

Его треклятой матери приспичило пропасть именно сейчас, другого времени она выбрать не могла.

Терезе нравились родители Троя. Обычная, непритязательная пара, как они с Хансом. Она представляла себе, как они все станут бабушками и дедушками. И непременно заметила бы, если бы в отношениях Джой и Стэна появились какие-то трещины, которые могли привести к... катастрофе. Но это было пять лет назад, и, вероятно, во всяком браке есть незаметные посторонним трещины, которые могут превратиться в пропасти.

Тереза отложила ножницы и скомкала аккуратно вырезанную заметку. Ни словом она не обмолвится Клэр о ее бывшей свекрови, если только дочь первая не упомянет об этом, и тогда Тереза скажет: да, это печально, но пусть она не расстраивается. Теперь их ничто не связывает с Делэйни.

Если только это правда.

Черт бы побрал этого Троя Делэйни!

Глава 16

Прошлый сентябрь

Сидя на переднем сиденье машины Логана, Трой смотрел, как проплывают мимо улицы его детства: зеленые лужайки, живые изгороди с резкими углами, поросшие плющом кирпичные стены. Почтальон на мотоцикле сует одинокое письмо в изящный зеленый почтовый ящик, сорока яростно пикирует на голову велосипедиста в шлеме, собачник трусит следом за тремя маленькими метисами – «дизайнерскими собачками», молодая мать катит коляску с близнецами. Ничего в этом нет плохого. Не на что пожаловаться, кроме сороки. Трой ненавидел сорок. Все очень симпатично. Только эта навязанная благопристойность вызывала у Троя ощущение, что его душат пуховым одеялом.

Он закрыл глаза и попытался вспомнить какофонию звуков и похожие на каньоны улицы Нью-Йорка, где он был двадцать четыре часа назад, но, похоже, пригороды Сиднея свели на нет существование Нью-Йорка. Теперь ничего не может быть, кроме этой мягкой, вкрадчивой реальности и его брата, сидящего за рулем с легкой самодовольной улыбкой на небритом лице, – он знал, что Троя вовсе не хочется находиться здесь.

– Отличный шарф, приятель, – сказал Логан вполне предсказуемо, когда увидел Троя, который надел шарф только для того, чтобы позлить брата. – Выглядишь по-настоящему устрашающим.

– Чистый кашемир, – ответил Трой.

– Это и правда очень мило с вашей стороны, ребята, – произнес женский голос с заднего сиденья.

– Нет проблем! – Трой повернулся и одарил улыбкой девушку, спокойно сидевшую позади них в раздолбанной колымаге его брата.

Саванна. Маленький благотворительный проект его родителей. Она сидела, выпрямив спину, волосы зачесаны назад и связаны в хвостик, как у школьницы, уши, слегка оттопыренные и маленькие, как у эльфа, открыты. На бледном лице никакой косметики. У нее худое, костистое тело и суровое выражение лица, говорящее о дурных привычках и уличной жизни. Над одним глазом – почти заживший порез с едва заметным желтоватым синяком. Трой попытался испытать сочувствие, которого она явно заслуживала, но его сердце было непреклонным и подозрительным, как и у брошенной парнем девушки.

Родители Троя не догадывались, что избиение не делает человека автоматически хорошим. Саванна могла оказаться милой воровкой, психопаткой или просто авантюристкой, увидевшей их большой дом и невинные старческие лица и подумавшей: «Деньги».

Они с Логаном были «мускулами» на случай появления бойфренда. Трой искоса глянул на своего старшего брата, который не ходил в клубный спортзал, но выглядел здоровым как бык, что раздражало, хотя живот Логан себе отрастил. Интересно, штангу какого веса мог бы толкнуть Логан из положения лежа, если бы когда-нибудь поддался на уговоры сделать это.

И как они будут действовать, если это парень объявится? Когда Трой пребывал в стадии «молодой злости», он с удовольствием начистил бы кому-нибудь рыло, ощущая правду на своей стороне, встав на защиту оскорбленной женщины, чтобы выпустить из себя эту темную энергию, но он больше не ходил по улицам, сжав зубы так же крепко, как кулаки, в поисках, на ком бы сорвать свою ярость. Этот глупый злой ребенок перестал существовать. Теперь мысль о возможности участия в разборке с применением силы казалась ему гротескной.

Трой сжал руку в кулак и поглядел на костяшки пальцев. Помнит ли он еще, как наносить удары? А что, если они натворят делов и его обвинят в драке? Трой представил, как двадцатилетний полицейский надевает на него наручники и уводит, положив твердую руку сзади ему на шею. Потерять контроль над своей жизнью – это будет невыносимо.

Если его арестуют, он больше не сможет путешествовать между Сиднеем и Нью-Йорком. Он хорошо понимал, что в юности ему повезло отвертеться – дело на него не завели, что создало бы трудности на границе, которую он пересекал с завидной легкостью и регулярностью. Только благодаря матери его отпустили с предупреждением, после того как поймали с каннабисом, когда он делал первые шаги в предпринимательстве. Мать явилась в участок, как кавалерист, сразу после телефонного звонка от тогдашней подружки Троя, и запустила на полную катушку весь наступательный шарм Джой Делэйни, перед которым не устоял старший из двоих полицейских.

Всего за десять минут до ареста Трой очень выгодно продал травку капитану элитной школы, а это означало, что в карманах у него много денег и мало наркотиков: столько, что он мог объяснить, будто это для личного использования. Трой понимал, что младшему офицеру страшно хотелось прищучить его, что таких, как он, этот парень терпеть не мог.

– Тебе не будет везти вечно, приятель, – с ненавистью в глазах бросил он Трою.

– Ничего не говори мне, даже не смотри на меня, – трепеща от гнева, сказала ему мать по дороге домой.

Она же каким-то магическим способом убедила отца Гарри Хаддада не звонить в полицию, когда Трой ударил его сына кулаком в лицо за жульничество.

– Если бы я был там, то сам вызвал бы полицию, – заявил отец Троя.

– Он никогда бы этого не сделал, – сказала ему мать, когда они остались наедине. – Он просто сильно расстроен.

Но отец произнес эти слова и не взял их обратно.

Гарри Хаддад собрался в следующем году опубликовать автобиографию. Троя занимала мысль: включит ли он в свое жизнеописание историю о том, как сын его первого тренера перескочил через сетку и расквасил ему нос за вранье? Скорее всего, нет. Это не соответствует его целостному имиджу. Трой все равно не станет читать писульки этого сосунка. Он ненавидел Гарри за то, что тот предал его отца, даже больше, чем за лживость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.